

Умб. 74 отг. IV

Н. В. БОРЗОВЪ.

200897.

В. Г. БЪЛИНСКІЙ

И

ЕГО ИДЕАЛЪ.

(КО ДНЮ 50-ЛѢТІЯ ЕГО СМЕРТИ).

„Наивная и страстная душа,
„Въ комъ помыслы прекрасны кипѣли
„Упорствуя, волнуясь и снѣжа,
„Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли
„Кипѣлъ, горѣлъ — и быстро ты угасъ!
Н. А. Некрасовъ.

Г. Томскъ, 26 мая 1898 года.



Издание Общества попеченія о начальномъ образованіи
въ г. Томскѣ.

отъ большого значенія. Но в сѣмъ, хотѣ и имѣю въ видѣ
метъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, до сихъ поръ
не видѣлъ ни одного случая ischias, съ которымъ было
но сахарное мочеизнуреніе.

Н. В. БОРЗОВЪ.

200894

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

И

ЕГО ИДЕАЛЪ.

(КО ДНЮ 50-ЛѢТІЯ ЕГО СМЕРТИ).

„Наивная и страстная душа,
„Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли
„Упорствуя, волнуясь и спѣша,
„Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли
„Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Н. А. Некрасовъ.

Томскъ, 26 мая 1898 года.

Изданіе Общества попеченія о начальномъ образованіи
въ г. Томскѣ.

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

Дозволено цензурою. Томскъ, 24 Мая 1898 года.

ТОМСКЪ.
Типографія Н. Я. Бѣльева.
1898.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и его идеаль.

„Для всякаго интересна біографія такого человѣка, какъ, на примѣръ, Галилей, но въ ней великій ученый долженъ преимущественно быть изображенъ, какъ человѣкъ, какъ мученикъ знанія, дышавшій религіознымъ благоговѣніемъ къ святости истины... Такая біографія будетъ имѣть интересъ общій, будетъ всѣмъ доступна и полезна“.

Бѣлинскій: „Русская литература въ 42 г.“
II. соб. Соч. III т. стр. 163—64,
изд. Павленкова.

На основаніи этихъ словъ писателя, память котораго мы празднуемъ сегодня, постараемся представить себѣ и жизнь его, и его идеаль, какъ онъ выразился въ литературныхъ трудахъ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго за время расцвѣта его дѣятельности, т. е. между 40—48 годами, представителемъ которыхъ и является Виссаріонъ Григорьевичъ. Въ этомъ идеалѣ, или, выражаясь словами самого Бѣлинскаго, — „паосѣ“ его трудовъ мы найдемъ отвѣтъ на всѣ вопросы, которые никогда не перестанутъ волновать всякаго человѣка, живущаго жизнью ума и сердца; а изъ очерка жизни яснѣе представимъ себѣ, какъ идутъ люди, одаренные особенной искрой Божіей съ первыхъ дней своей жизни къ отысканію того, что возлюбили они болѣе всего на свѣтѣ — къ истинѣ.

Кому-же и безъ нашего слабаго труда ясна свѣтлая личность могучаго поборника истины и свѣта и яраго врага всякой пошлости и лжи, въ чемъ-бы онѣ ни проявлялись, тѣхъ мы просимъ извинить насъ за напоминаніе лишній разъ о подробностяхъ жизни либимаго человѣка: мы думаемъ,



что такое напoминаніе не можетъ быть скучнымъ и лишнимъ, особенно, въ день памяти этого человѣка.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ Свеаборгѣ, въ февралѣ 1810 г. Съ первыхъ дней своей жизни Бѣлинскій былъ поставленъ въ плохія условія, какъ матеріальныя, такъ и культурныя и даже нравственныя...

Его отецъ, Григорій Никифоровичъ, былъ отставной флотскій лѣкарь. Послѣ рожденія первенца — Виссаріона, Бѣлинскій переселился въ Чембарь, городокъ Пензенской губерніи, въ окрестностяхъ котораго, въ мѣстечкѣ Бѣлынь, служилъ священникомъ дѣдъ нашего писателя. Отъ названія этой мѣстности и пошла фамилія Бѣлинскихъ. Григорій Никифоровичъ былъ человѣкъ начитанный, даже стоящій по образованію выше окружающей среды; но привычки, взгляды на жизнь, самое обращеніе съ окружающими были такія-же, какъ и у всякаго, жившаго въ то отдаленное время въ глухой провинціи. Мать Бѣлинскаго тоже не выдавалась ничѣмъ надъ окружающей средой. Обращеніе съ сыномъ было плохое, а мальчикъ между тѣмъ уже съ дѣтства жаждалъ теплаго, сердечнаго отношенія къ себѣ. Подобная обстановка жизни, несоотвѣтствующая желаніямъ ребенка, а часто и затрогивающая его дѣтское самолюбіе порождала робость, скрытность, отчужденность. „Я въ семьѣ росъ чужимъ“, не разъ говаривалъ впослѣдствіи Виссаріонъ Григорьевичъ. — Эта отчужденность еще болѣе развилась послѣ того, какъ однажды Бѣлинскій-отецъ, не умѣя доказать правоту своего взгляда по какому-то вопросу сыну, думавшему иначе, позволилъ себѣ его наказать, хотя мальчику было болѣе 10 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ мальчикъ сдѣлался совершенно чужимъ отцу; и это обстоятельство было, быть можетъ, причиной тому, что Бѣлинскій не видѣлъ въ отцѣ даже тѣхъ хорошихъ чертъ

характера, которыя безспорно были въ немъ, но которыхъ отзывались съ уваженіемъ близко знавшіе отца Бѣлинскаго. Все семейство Бѣлинскихъ жило, такимъ образомъ, жизнью захолустнаго городка, жизнью,—такъ художественно воспроизведенною Н. В. Гоголемъ. Не лучше была обстановка и въ городскомъ училищѣ, гдѣ сначала обучался Виссаріонъ Григорьевичъ, и гимназіи, куда попалъ впоследствии. Лучше всего характеризуютъ эти заведенія попавшіяся намъ воспоминанія одного родственника Бѣлинскаго, учившагося съ нимъ въ городскомъ училищѣ, и Лажечникова, сначала директора народныхъ училищъ, потомъ директора Пензенской гимназіи, а впоследствии извѣстнаго и цѣнимаго самимъ Бѣлинскимъ—романиста. „На первое время“—пишетъ родственникъ Бѣлинскаго—„весь педагогическій штатъ состоялъ изъ одного смотрителя, Абрама Григорьевича Грекова, который былъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ. Это былъ человѣкъ добрый и кроткій. Вскорѣ прибавились новые учителя: одинъ для Закона Божія—соборный священникъ, другой для русскаго языка—сынъ другого соборнаго священника, исключенный изъ семинаріи. Этотъ послѣдній былъ страшный любитель розогъ, наказаній, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика, а отодравши его немилосердно, старался успокоить его поцѣлуями и щекоткой. Когда учителю выговаривали за эти выходки, онъ извинялся будущей пользой, плѣвившись, вѣроятно, системою спартанскаго обученія или обычаями своей бурсы. Благородное негодованіе Виссаріона возбудило энергическія жалобы смотрителю со стороны Григорія Никифоровича. Надобно замѣтить, что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ забавъ бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло потому, что нахо-

диль подобные поступки возмутительными. Преподаваніе велось въ училищѣ въ духѣ патриархальной простоты. Учителя не затруднялись оставлять учениковъ на произволъ судьбы, отправляясь домой для жертвоприношенія Бахусу, а ученики иногда, въ лѣтнее время, цѣлымъ училищемъ уходили купаться“. В. Евр. 74 кн. Пыпинъ. „Бѣлинскій“.

Отмѣченная здѣсь черта характера Бѣлинскаго показываетъ, какъ рано въ немъ проявилась вражда къ производству. Умственные способности и усѣбность занятій представляемъ характеризовать Лажечникову. „Въ 1823 г.—пишетъ онъ—ревизовалъ я Чембарское городское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ предомною между прочими учениками мальчикъ лѣтъ 12, наружность котораго съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ; въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій, маленькій, онъ между тѣмъ казался старше своихъ лѣтъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно.. На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ съ такою увѣренностью, будто ястребъ бросался на свою добычу (отчего я тутъ-же прозвалъ его ястребкомъ) и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя къ нимъ то, чего даже не было въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ книги, неположенныя въ классѣ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью и, признаюсь, старался его сбить. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило. Я спросилъ смотрителя, кто этотъ мальчикъ „Виссаріонъ Бѣлинскій—сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря“,—былъ отвѣтъ. Я поцѣловалъ Б. въ лобъ, съ душевной теплотой привѣтствовалъ его, тутъ-же потребовалъ изъ продажной

библіотеки какую-то книжку, на заглавномъ листѣ которой написалъ: „Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то“. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особенной радости, какъ должную дань, безъ поклоновъ низкихъ, которымъ учать бѣлняковъ съ малолѣтства“. Лажечниковъ. „Воспоминанія“.

Таковъ былъ Бѣлинскій, когда ему было около 13 лѣтъ. Поступивъ въ гимназію, гдѣ преподаваніе велось тоже плохо; гдѣ, напримѣръ, можно было встрѣчаться съ картиной погребенія кота мышами, т. е. выноса тѣла учителя учениками, можно догадаться въ какомъ положеніи; гдѣ, вмѣсто словесности, предмета уже привлекавшаго къ себѣ Бѣлинскаго, читалась реторика, и учениковъ заставляли „изобрѣтать по извѣстнымъ вопросамъ: „кто, что“ и т. д., Бѣлинскій съ врожденной ему энергіей не поддавался ферулѣ учителя-схоласта, хотя и долго находился подъ его вліяніемъ. Вѣроятно, съ этого-же времени реторика ему и опротивѣла. Если окружающая дѣйствительность не давала Бѣлинскому случая наткнуться на отсутствіе произвола и встрѣтить жизнь съ серіозными и чистыми стремленіями, то одна только книга давала Бѣлинскому отдыхъ, отраду и отвѣтъ на зарождавшіеся уже въ умѣ вопросы объ иномъ лучшемъ мірѣ, гдѣ торжествуетъ справедливость, гдѣ всѣмъ живется тепло, и гдѣ нѣтъ ничего мрачнаго, а напротивъ царствуетъ правда, красота и истина. Читая, Бѣлинскій переживалъ все, что читалъ. Онъ скорбѣлъ душой за угнетенныхъ, радовался ихъ побѣдѣ и наказанію притѣснителей, восторгался красотой стиха или описанія и рано сталъ вдумываться въ соотвѣтствіе истинной дѣйствительной жизни съ ея описаніемъ въ книгѣ. Скучна была литература наша, особенно въ захолустномъ городкѣ, но и та завлекла Бѣ-

линскаго такъ сильно, что онъ навсегда потерялъ охоту къ сухому изученію, къ школьной эрудиціи. Такое живое отношеніе къ прочитанному возвышало, облагораживало и развивало ребенка. Вотъ почему Бѣлинскій, не будучи хорошимъ ученикомъ по преподаваемымъ въ школѣ предметамъ, могъ поразить своимъ развитіемъ ея ревизора, какъ это мы видѣли выше. Характеренъ также и отзывъ о Бѣлинскомъ другого лица, смѣнившего собой въ гимназій сходаста-учителя, а впослѣдствіи занявшаго очень видный постъ въ III-ьемъ отдѣленіи въ Канцеляріи Его Величества, нѣкоего Попова. „Въ гимназій по возрасту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ товарищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи: онъ и тогда былъ неуклюжъ и угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, что-бъ отецъ пріѣзжалъ къ нему въ Пензу, не помню, что-бъ кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ-бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлы, какъ-бы говорящіе, что онъ и не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ сошелъ въ могилу“. Дѣйствительно, развиваясь, Бѣлинскій все больше и больше цѣнилъ въ каждомъ человѣкѣ независимость, смѣлость и самостоятельность во всемъ, начиная съ выработки взгляда на жизнь, на прочитанное. вмѣстѣ съ этимъ, въ Бѣлинскомъ развивалось самолюбіе, какъ у человѣка умственнымъ развитіемъ обязаннаго только самому себѣ и сознающаго это, развивалась и благородная „упрямика“ въ

достиженіи намѣченной цѣли, черта—свойственная лучшимъ нашимъ людямъ: Петру Великому и Ломоносову. Но если Бѣлинскій замѣчалъ, что ему открывалась возможность получить новыя свѣдѣнія по интересовавшему его вопросу, онъ не отходилъ до тѣхъ поръ, пока не исчерпывалъ въ возможной полнотѣ весь этотъ источникъ свѣдѣній. Тотъ же Поповъ такимъ образомъ говоритъ объ этой жадѣ познаній и увлекающейся натурѣ Бѣлинскаго: „Бѣлинскій бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросы за вопросомъ... По лѣтамъ и отношеніямъ нашимъ онъ былъ мнѣ не пара, но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ о литературѣ и наукѣ. Дома мы толковали о словесности, въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ Казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность была моею исключительной страстью. Можете представить, что происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ предъ страстнымъ, молодымъ еще учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи отъ меня или отъ Бѣлинскаго,—Богъ знаетъ—естественныя науки превращались въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона натуралиста я переходилъ къ Бюффону—писателю, отъ Гумбольтовой географіи растений къ его картинамъ природы, отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера, Жуковского. Во время прогулокъ для гербаризаціи Бѣлинскій пристаеъ ко мнѣ съ распросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ

и о всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодые сердца. Тогда Бѣлинскій по лѣтамъ своимъ еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ поэмъ Пушкина. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“. Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть простоты, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: „дайте, подумаю“, „дайте еще прочту“. Если-же съ чѣмъ онъ соглашался, то бывало отвѣчалъ съ страшной самоувѣренностью: „совершенно справедливо“. Изъ этой замѣтки современника уже ясенъ намъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій во время своей юности: любознательный, самолюбивый, развитой умственно, гордо держащій свое „я“. Между тѣмъ, ужъ давно нѣтъ около Бѣлинскаго смягчающаго женскаго вліянія. Друга матери Бѣлинскій не зналъ никогда. А душа Бѣлинскаго искала себѣ сочувствующее сердце, потому что Бѣлинскій переживалъ тогда время, извѣстное, конечно, всякому изъ насъ: время перехода отъ дѣтства къ юности, время, когда рядомъ съ началомъ серіознаго мышленія является грусть къ чему то прекрасному, но недостижимому, неудержимо влекущему къ себѣ молодую натуру,—время, когда хочется участія, чтобъ вылить все накопившееся въ груди; наконецъ, время, когда необходимо быть хоть нѣсколько обезпеченному матеріально, потому что отъ этой стороны жизни много зависитъ выработка всего міросозерцанія. Но Бѣлинскій, отдавшись всей душой переживаемой имъ порѣ, тогда еще показалъ, какъ мало вліяетъ на него матеріальная сторона жизни,—черта, которая до гробовой доски осталась у Бѣлинскаго и которая такъ рѣдка, между прочимъ. И такъ, наступила пора романтизма для Бѣлинскаго, и онъ отдалъ

ему дань: онъ сталъ писать стихи, неуклюжіе, юношескіе, но симпатичные въ высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, бѣднѣйшій, заброшенный, одинокій, съ дѣтства не видѣвшій ничего свѣтлаго въ жизни, онъ не озлобляется, не мечтаетъ о томъ, какъ бы скорѣе „выйти на дорогу“ нѣтъ—онъ остается чистымъ, отзывчивымъ, становится даже идеалистомъ, и, часто голодая, онъ или пишетъ стихи, чтобъ вылить накипѣвшія горькія чувства, или беретъ послѣдній свой грошъ, чтобъ насладиться другаго рода развлеченіемъ—театромъ. Не даромъ Бѣлинскій такъ нѣжно вспоминаетъ самъ объ этомъ времени своей жизни (Полное собр. сочин. изд. Павленкова, т. III, стр. 389 esq). Конечно, не одинъ Бѣлинскій сочувственно вспоминаетъ объ этой порѣ жизни. Но не много такихъ лицъ, которыя, переживя время романтизма и вступивъ въ дѣловую пору жизни, не забываютъ завѣтовъ молодости, не теряютъ вѣру въ прекрасное и истинное и хотятъ дѣйствительными трудами выполнить теперь, хотя бы не многое изъ того, къ чему такъ не удержиимо влеклись въ пору юншества, сохранившіе до гробовой доски жаръ юншества, свои лучшія убѣжденія; тѣмъ воспитательнѣе такіе люди могутъ дѣйствовать на окружающихъ, и такимъ человѣкомъ опять таки является Бѣлинскій В. Г. Онъ никогда ни на шагъ не отступитъ отъ запавшаго ему съ дѣтства желанья истины во всемъ, и эту истину онъ отыскивалъ всю жизнь; спотыкался во время розысковъ, падалъ, но умѣлъ сохранить вѣру, умѣлъ понять, что въ данномъ случаѣ была только ошибка, заблужденіе съ его стороны, которое не можетъ быть аргументомъ отсутствія вообще истиннаго, прекраснаго въ мірѣ, какъ склонны бываютъ думать многіе. Если Бѣлинскій вырабатывалъ какой нибудь взглядъ на жизнь, на поэзію, то смѣло высказывалъ его и свято держался до тѣхъ поръ, пока самъ

не замѣчалъ неоправимой ошибки въ своемъ взглядѣ. Тогда такъ же открыто отбрасывалъ свое убѣжденіе, поясняя его ошибочнымъ, какъ раньше горячо его отстаивалъ, и, при всей своей гордости, не считалъ позорнымъ признаться открыто въ обоихъ ошибкахъ и отстать отъ нихъ, а не держаться упрямо разъ выработаннаго взгляда. Черта опять-таки рѣдкая въ людяхъ. Выйдя изъ гимназіи въ 1829 г., Бѣлинскій самостоятельно подготавливается въ университетъ, и въ 30 г. не только поступаетъ, но и зачисляется казеннымъ студентомъ Московскаго университета. Пора университетской жизни молодого человѣка лучшая пора его жизни. Въ это время рождается желанье рѣшить вопросы этики и той науки, къ которой чувствуешь влеченіе, и подъ вліяніемъ которой и вырабатываешь себѣ тотъ или иной взглядъ на жизнь. Въ это время, наконецъ, развивается сознаніе, что и ты начинаешь дѣльную жизнь на пользу общую для такъ горячо съ дѣтства любимой истины и моральной и научной. Въ это время какъ то теплѣе, отзывчивѣе относишься къ людскому горю, и хочется такихъ условій жизни, при которыхъ возможна наименьшая сумма людскихъ страданій. Прекрасно, когда университетская жизнь течетъ въ нормальныхъ условіяхъ. Стоящіе на высотѣ научныхъ требованій профессора въ тоже время гуманно развитые люди. Они, давая пищу молодому уму, этимъ самымъ незамѣтно вибрируютъ въ воспримчивую молодую душу уваженіе къ наукѣ, къ людямъ, взявшимся ее популяризировать, они, незамѣтно для самихъ слушателей, направляютъ и нравственную жизнь юноши. Въмѣстѣ съ этимъ товарищество, молодое, веселое, полное жизни, полное увлеченій. Есть и выходъ этимъ увлеченіямъ. Совмѣстныя развлеченія и занятія, разсужденія о слышанномъ, видѣнномъ, окружающемъ, совмѣстная работа надъ личнымъ развитіемъ, дружескія, го-

рячія связи, на вѣкъ согрѣвающія тепломъ, высокія мечты о дальнѣйшей жизни и дѣятельности, выработка характера и романтическія еще, но дорогія сердечныя увлеченія. Что можетъ быть лучше, чище, святѣ этой поры жизни человѣка! Но горе студенчеству, поставленному въ иныя условія. Профессора—отсталые схоласты, резонеры, могущіе только надорвать уваженіе и къ себѣ и къ наукѣ, люди грубые, недалекіе. Изъ ихъ лекцій ничего не выноситъ молодой умъ; напротивъ, скучаетъ на нихъ, ищетъ побочныхъ средствъ для развлеченія, для препровожденія времени. У такихъ руководителей и служащіе дѣлаются людьми, холодно относящимися къ научнымъ занятіямъ, ради которыхъ, собственно, и прибыли въ тотъ или другой университетъ. Молодые люди озлобляются, нравственность ихъ падаетъ, развлеченія дѣлаются грубѣе, безсмысленнѣе, пошлѣе, и какъ то скорѣе разочаровывается молодой человѣкъ въ своихъ надеждахъ, идеалахъ и дѣлается „дѣльцомъ“, пріобрѣтателемъ, Чичиковымъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Болѣе стойкіе желаютъ добиться самостоятельно того, чего не получаютъ съ каеѣдры. Но молодой умъ, склонный къ прямолинейнымъ заключеніямъ, въ тоже время часто не видитъ своихъ ошибокъ въ первыхъ посылахъ, на которыхъ строится заключеніе, кромѣ того, незнакомый еще съ жизнью, онъ не можетъ въ той или другой научной теоріи, которой онъ самостоятельно занимается, подмѣтить ошибку, дѣлающуюся ему вполне ясной впоследствии, когда жизнь его достаточно ломаетъ, и увлекается этой теоріей, иногда доходя до *pes plus ultra*. Односторонность всегда и смѣшна и вредна; но кто же виновать въ томъ, что она развивается часто даже еще на студенческой скамьѣ. Наконецъ, юноши перестаютъ вѣрить другъ другу, и самое товарищество падаетъ, и жизнь съ лучшей своей поры становится скучной, безъ высшихъ инте-

ресовъ, пустой, пошлой, мертвой, и „молодой человѣкъ“ слишкомъ рано начинаетъ говорить, „совѣмъ какъ старикъ“, по выраженію Добчинскаго („Ревизоръ“ Д. III явл. II).—Бѣлинскій попалъ въ Московскій университетъ въ его худшее время еще, когда большинство профессоровъ были люди отсталые, далеко стоящіе отъ науки, преподавать которую они призваны. Надеждинъ, Кочановскій составляли нѣкоторое исключеніе. Студенты это сейчасъ же замѣтили, и поведеніе ихъ съ названными профессорами ясно указываетъ чуткость молодежи къ подобнаго рода явленіямъ. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этомъ Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ „Надеждинъ производилъ сначала своего профессорства большое впечатлѣніе. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную и плавную рѣчь, почувявъ, такъ сказать, воздухъ, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро замѣтило, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворялъ серіознымъ требованіямъ юношей. Скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серіозныхъ знаній. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты любили его и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь. Надеждина любили еще за то, что онъ былъ деликатенъ со студентами и не любилъ никакихъ полицейскихъ мѣръ. Это студенты очень цѣнили, и, конечно, не было ни у кого такой тишины на лекціяхъ, какъ у Надеждина. Его слушали, не прерывая, и однажды, пишетъ опять Аксаковъ, „Надеждинъ прочелъ 2 часа слишкомъ, и студенты не напомнили ему, что срокъ его лекціи давно прошелъ“. Зато другіе профессора вызывали только насмѣшки и шутки, которымъ плохо вѣрится, еслибъ рассказъ о нихъ не шелъ отъ лицъ, заслуживающихъ полного довѣрія. Приведу 2—3 случая. Однажды студенты, чтобъ

прервать монотонное чтеніе профессора реторики и хоть нѣсколько разсѣяться, пустили въ аудиторію воробья, котораго и начали ловить вмѣстѣ съ профессоромъ. Другой разъ, встрѣтили этого же профессора пѣніемъ „Се женихъ грядетъ въ полунощи“. Выдумка была тѣмъ удачнѣе, что лекціи происходили вечеромъ въ малотопленной и слабо-освѣщенной аудиторіи, и студенты забрались на заднія скамьи, гдѣ жались другъ къ другу, закутыясь при этомъ въ шубы и произнося гимнъ заунывнымъ, тихимъ голосомъ. Самъ Бѣлинскій, какъ передаютъ его товарищи, разъ до того невнимательно слушалъ лекціи ненавидимой имъ уже давно реторики, что профессоръ обратился къ нему съ замѣчаніемъ: „что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ спокойно, точно на шилѣ, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мои послѣднія слова!“ Бѣлинскій всталъ и спокойно отвѣтилъ: „вы остановились на словахъ, что я сижу, точно на шилѣ“. Хотя есть и другія версіи этого отвѣта, но всѣ онѣ одинаково характеризуютъ рѣзкую выходку Бѣлинскаго, которую ему не могъ простить никогда профессоръ. Ясно, что у остальныхъ профессоровъ Бѣлинскій малому могъ научиться; слѣдовательно, можно понять, какъ правдивы упреки по адресу Бѣлинскаго за его „необразованность“, происшедшую, будто-бы оттого, что онъ не кончилъ курса въ училищѣ, какъ будто самостоятельное самообразование, надъ чѣмъ трудился всю жизнь Бѣлинскій, не замѣнило ему университета. Но въ болѣе лучшіе условія Бѣлинскій былъ поставленъ въ отношеніи товарищества. Въ обществѣ Бѣлинскій помѣстился въ 11 №, сдѣлавшемся исторически извѣстнымъ. Студенты этого № не были, положимъ, извѣстны „монашескимъ поведеніемъ“, но „умственная жизнь студентовъ этого № шла бойко“, какъ говоритъ тотъ-же Аксаковъ. „Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще тогда не прекращался, несмотря

на глубокое и многостороннее разрѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторской диссертациі „О происхожденіи и судьбахъ поэзіи романической“. Были сторонники классицизма, особенно студенты старшихъ курсовъ, слушавшіе и помнящіе Мерзлякова и очень неблагосклонно относившіеся къ „Борису Годунову“ Пушкина. Первогодичные студенты, наоборотъ знали наизусть не теорію краснорѣчія Мерзлякова, а его пѣсни, и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикой и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державину за его „реторическія и пустозвонныя фразы“. Сохранились и другія воспоминанія о жизни студентовъ № 11. Всѣ они согласны между собой. „Воспоминанія, наприм., автора, Былого и думъ“ (Журн. „День“ № 42), Прозорова, товарища Бѣлинскаго и студента № 11 (Библиотека для чтенія 59 г., № 12). Всѣ говорятъ о томъ, какъ бойко шли споры о литературѣ, какъ обсуждались вопросы, которые намѣтилъ профессоръ въ только-что выслушанной ими лекціи, какъ вырабатывалось міровозрѣніе, съ которымъ нужно было приступить къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній; наконецъ, какъ студенты № 11 рѣшились пополнить свои научныя свѣдѣнія путемъ самостоятельнаго серіознаго чтенія, приготовленія рефератовъ, и испытать собственныя силы на литературномъ поприщѣ. Прекрасно и

симпатично подобное времяпрепровождение, и если оно идет рука объ руку хотя-бы съ незамѣченнымъ самими студентами вліяніемъ и руководствомъ съ кафедръ,—легче студенчеству добиться намѣченной благородной цѣли этихъ собраній. Иное дѣло, когда профессора стоятъ въ сторонѣ отъ этого движенія молодежи къ свѣту научной истины. Тогда честь и слава тѣмъ студентамъ, кто съумѣлъ не уклониться въ сторону отъ намѣченной цѣли, съумѣлъ и самую цѣль выбрать по своимъ умственнымъ силамъ. Съ другой стороны, самое собраніе вмѣстѣ студентовъ для подобнаго рода дѣятельности дѣйствуетъ въ высшей степени хорошо на участвующихъ въ этомъ собраніи, и рано замѣчена польза подобнаго рода собраній. Вотъ какъ ее охарактеризовываетъ тотъ-же Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. (Журналъ „День“ за 62 г. № 39). Въ эпоху студенчества первое, что обхватываетъ молодыхъ людей—чувство общей связи, товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ тоже время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все-же во имя науки, во имя высшаго интереса, истины. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только и слышно *молодость* человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ, не плебей, не богатый, не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человеческого имени, давалось университетомъ и званіемъ студента. Главная польза такого общественнаго воспитанія, кажется мнѣ, заключается въ общественной жизни юношей въ товариществѣ самомъ. Общественно товарищеская жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигала впередъ здоровую молодость“. Бѣлинскій съ молодости отличался, какъ мы видѣли выше, любовью къ литературѣ и враждой къ сухой эрудиціи. Нѣтъ ничего удиви-



тельного поэтому, что онъ увлекся жизнью кружка и сталъ рѣже и рѣже посѣщать университетъ, такъ мало дававшій ему пищи по тому предмету, который онъ любилъ больше всего. Да и здоровье Виссаріона Григорьевича часто заставляло пропускать лекціи. Бѣлинскій, какъ дѣятельный членъ кружка, увлекается теперь собственнымъ литературнымъ трудомъ, которымъ онъ, между прочимъ, рассчитывалъ заработать необходимыя средства, чтобъ выйти изъ числа казенныхъ студентовъ. Теперь режимъ въ университетѣ перемѣнился къ худшему. Настало время для университета подобное тому, какое переживалъ Казанскій университетъ при Магницкомъ: усиленный надзоръ надъ студентами, вмѣшательство въ ихъ личную жизнь, крайне грубое обращеніе съ учащимися высшего начальства; наконецъ, появленіе шпионства, доносовъ. Казенные студенты болѣе всего подвергались стѣсненіямъ, и такой человекъ, какъ Бѣлинскій, тяжелѣе другихъ чувствовалъ воцарившійся произволъ и стѣсненіе личности. Какъ горячая и увлекающаяся натура, онъ и высказывался по этому поводу рѣзче другихъ и уже былъ на дурномъ счету, и вотъ онъ пишетъ трагедію изъ быта помѣщичьей жизни, гдѣ ярко подчеркиваетъ произволъ этой власти. Но трудъ, вмѣсто заработка, лишилъ Бѣлинскаго и послѣднихъ средствъ къ жизни потому, что цензурный комитетъ призналъ сочиненіе опаснымъ, а такъ какъ эти цензора были въ то же время профессорами университета, то и рѣшено было Бѣлинскаго удалить „за неспособностью“. „Исторія Бѣлинскаго, рассказываетъ современникъ въ журналѣ „День“ за 1863 г., сильно возмутила студентовъ и долго о ней толковали товарищи. На II курсѣ (гдѣ былъ тогда писавшій) мы съ изумленіемъ услышали, что Бѣлинскій исключенъ за неспособность. Конечно, никто изъ насъ не подозрѣвалъ въ немъ знаменитаго кри-

тика, какимъ онъ явился въ послѣдствіи, но все-же мы почитали его однимъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ студентовъ и въ исключеніи его видѣли вопиющую несправедливость. Вотъ какъ разсказывали тогда эту исторію. Бѣлинскій написалъ драму и представилъ ее на разсмотрѣніе университетскаго совѣта (цензурнаго комитета). Совѣтъ нашель ее безиравственной потому, что въ ней слуга убиваетъ господина. Это и было началомъ гоненій, воздвигнутыхъ на Бѣлинскаго, бывшаго на бѣду еще казеннымъ студентомъ. Послѣ разныхъ притѣсненій и долгаго пребыванія въ больницѣ, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета по распоряженію Голохвастова, исправлявшаго тогда должность попечителя. Бѣлинскій, такимъ образомъ, остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, даже безъ необходимой смѣны платья. Пріютиться было негдѣ, потому что бывшіе въ Москвѣ родственники Бѣлинскаго были сами очень не богаты, и оставаться у нихъ было невозможно. Какихъ-нибудь занятій или казеннаго мѣста Бѣлинскій не могъ получить. Изъ такого крайняго положенія выручилъ Бѣлинскаго старый знакомый, Лажечниковъ. Онъ порекомендовалъ Бѣлинскаго одному высокопоставленному лицу, любившему заниматься литературой, но нуждавшемуся въ корректорѣ для своихъ литературныхъ развлеченій. Лажечниковъ лично отправился на квартиру Бѣлинскаго, чтобъ обрадовать его благополучнымъ исходомъ своихъ стараній, и вотъ какъ описываетъ помѣщеніе Бѣлинскаго.

„Бѣлинскій квартировалъ въ *бель-этажѣ* (слово бель-этажъ подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ, между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бель-этажъ. Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ Бѣлинскому надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачечная, изъ которой безпрестанно

неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, со слабою грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ, а подъ собой стукотню россійскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ“. Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты не запертой (хотя я и не засталъ хозяина дома), потому что въ ней ровно нечего было украсть. Прислуги никакой. Онъ ѣлъ, вѣроятно, тоже, что ѣли его сосѣди. Сердце мое облилось кровью. Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада и испареній, обхватившихъ меня, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я чувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя.—Получивъ работу Бѣлинскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ прекрасную обстановку, условія жизни, и вознагражденія такія, какихъ можетъ быть ему и во снѣ не снилось. За все за это Бѣлинскій долженъ былъ иногда своей рукой отдѣлывать мысли, которыхъ онъ не раздѣлялъ, и можемъ догадаться, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Бѣлинскій. Онъ оставляетъ Его Высокопревосходительству записку, гдѣ говорить, что продолжать работать не можетъ, и снова оказывается на улицѣ съ узелкомъ своихъ вещей въ рукѣ. Въ его положеніи находились и другія лица, напр., коллега его по литературнымъ трудамъ французскій критикъ Прудонъ. Послѣдній остался на подобномъ мѣстѣ, но такъ ловко повелъ дѣло, что заставилъ играть въ его же масть людей, совершенно иныхъ убѣжденій. Виссаріонъ Григорьевичъ поступилъ иначе и намъ кажется лишнимъ говорить свой взглядъ объ его рыцарски безукоризненно-честномъ и открытомъ поступкѣ. Однако, вскорѣ, послѣ этой новой катастрофы, матеріальное положеніе улучшается. Онъ находитъ се-

бѣ уроки, а потомъ журнальную работу. Вотъ что сохранилось о немъ, какъ о педагогѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Его ученикъ, извѣстный впоследствии, Кавелинъ, такъ вспоминаетъ о Бѣлинскомъ. „Училъ онъ меня плохо, задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣяннo, безъ дополненій и разъясненій и наконецъ предоставилъ меня собственной участи, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, малознающій предметъ, ксторому училъ, настолько онъ плодотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ тѣсномъ, школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ, но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо болѣе чѣмъ детальное и аккуратное заучиваніе учебниковъ и руководствъ“. Что касается журнальной дѣятельности Бѣлинскаго, то первыя же работы его въ „Молвъ“ и „Телескопѣ“, журналахъ Надеждина, обратили на него вниманіе, и многіе не хотѣли вѣрить, чтобъ „Литературныя мечтанія“, наприм., первая статья Бѣлинскаго критическаго характера, могли принадлежать перу молодого, недоучившагося студента. Но Бѣлинскій скоро въ своей критической дѣятельности пошелъ дальше своего учителя по цѣлостности основнаго взгляда, по горячему одушевленію своихъ статей и, наконецъ, по болѣе правильному требованію задачъ отъ критики. Интереснѣе для насъ, какъ вырабатывалъ свой взглядъ на окружающую жизнь Бѣлинскій подъ вліяніемъ тѣсно сложившейся уже дружеской жизни кружка, между членами котораго находились такія извѣстныя, высокоталантливыя и гуманныя личности, какъ Боткинъ, закадычный другъ Бѣлинскаго, Станкевичъ, Гра-

новскій и—одно время—Аксаковъ и многія другія лица, о которыхъ, конечно, некогда распространяться, но имена которыхъ говорятъ сами за себя. „Въ этомъ кружкѣ,—говоритъ Аксаковъ—выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большей частью *отрицательное*. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшіе нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, не искренность печатнаго слова, лиризма,—все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но надобно отдать справедливость, что односторонность эта не была крайняя, была искренняя, нападеніе на претензію не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами, и—что всего замѣчательнѣе,—кружокъ этотъ, будучи свободомыслящимъ, не любилъ ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона мало занимала его. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серіознаго дѣла искренности и истины. Это стремленіе осуществлялось иногда односторонне, было однако само по себѣ справедливо и есть явленіе вполне русское“. Въ этомъ кружкѣ царило желаніе ко всѣмъ явленіямъ жизни отнестись серіозно и на научныхъ основаніяхъ подыскать имъ мѣсто. Такъ онъ относится и къ искусству и ко всякому человѣческому призванію. Это качество еще сильнѣе развивалось отъ совѣстнаго чтенія и разсужденій

о прочитанномъ. Въ мірѣ нравственномъ для Станкевича и Бѣлинскаго не было пустыхъ и маловажныхъ явленій. „Къ каждому явленію этого міра—говоритъ Анненковъ, біографъ Станкевича,—они подступали весьма серьезно. Каждый предметъ литературы имъ казался достойнымъ того, чтобы изслѣдовать генеалогію, причину и обстоятельства его происхожденія. Часто умъ, серьезно настроенный, заходилъ слишкомъ далеко въ этихъ поискахъ. Но они грѣшили доблестными недостатками, свойственными всякой благородной личности“. Наука, которая могла дать имъ отвѣтъ на желаніе доискаться главной причины всѣхъ явленій, была философія. На время Бѣлинскій и друзья подчиняются изучаемому ими тому или другому философу и, сообразно съ его ученіемъ, строятъ свой взглядъ на все окружающее. Дѣло, конечно, не обходится безъ ошибокъ. Въ первые годы точка зрѣнія, съ которой Бѣлинскій и его друзья смотрѣли на жизнь, была исключительно нравственная. Вотъ что говоритъ по этому поводу Пынинъ, біографъ Бѣлинскаго, въ „Вѣстн. Ев.“ за іюнь 74 (539 стр.). „Какъ въ своемъ личномъ развитіи члены кружка полагали всю силу въ стремленіи къ извѣстному нравственному совершенству, уразумѣніе котораго искали въ философіи и искусствѣ, такъ и явленія жизни общественной они разсматривали съ той же моральной точки зрѣнія: ихъ мало занимала „политическая сторона“, — вѣроятно, они и не знали ея. Они возмущались только нарушеніемъ нравственныхъ требованій въ отдѣльныхъ личностяхъ, нарушеніями закона и человѣколюбія—и Бѣлинскій по своему рѣзкому характеру высказывался и въ этомъ направленіи всѣхъ рѣзче и рѣшительнѣе,—въ кружкѣ его звали „неистовымъ Виссаріономъ“. Самъ кружокъ учился прежде всего собственному нравственному совершенствованію, думая, что если эта мысль будетъ усвоена рѣшительно

всѣми, то и возмущающія условія жизни падутъ сами собою. „Богъ есть истина, пишетъ самъ Бѣлинскій, міръ Его храмъ, а душа человѣка Его Святая Святыхъ. И такъ, ищи Бога въ сердце своемъ, ищи Его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность жизни, а не какъ средство къ успѣхамъ въ свѣтѣ; и ты будешь блаженъ, а кто блаженъ—тотъ носитъ въ себѣ Бога, потомучто Богъ есть и истина, а кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть сосудъ Бога“. Такой взглядъ учитъ укрѣпиться въ знаніи и искусствѣ—и это его заслуга. Но онъ же отвлекаетъ отъ міра, учитъ не обращать вниманія на него. Бѣлинскій не могъ остановиться на этомъ. Онъ видитъ, что уклоняться отъ міра нельзя. Слѣдовательно, и ученіе, которое онъ сейчасъ развивалъ, ошибочно. Нужно поискать другого. Въ это время кружокъ перешелъ отъ изученія Шлегеля къ Фихте. Новое философское ученіе рекомендуетъ также саморазвитіе и самоусовершенствованіе, но, на ряду съ этимъ, требуетъ упорной борьбы со зломъ. и активной борьбы. Въ этомъ шагъ впередъ этого новаго ученія. Но это же ученіе порождаетъ презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ, кто не чувствуетъ въ себѣ потребности къ нравственному усовершенствованію. Оно дѣлитъ, такимъ образомъ, людей на 2 лагеря. Одни лучшіе съ желаньемъ усовершенствованія, съ презрѣніемъ и враждой къ окружающей ихъ обстановкѣ. Они не довольны жизнью, не спокойны и считаютъ потеряннымъ день, когда замѣтили бы въ себѣ полное удовлетвореніе, довольство, спокойствіе. Послѣднее могутъ только испытывать низшіе по натурѣ люди, „пошляки“, *bon vivant*, съ которыми не только дружиться, знакомиться и сообщаться, но и походить на которыхъ позорно. Отсюда ясно, что подобное ученіе порождаетъ много напускнаго, фальшиваго, дѣланнаго, а въ произведеніяхъ лите-

ратуры оправдываетъ только то, что будить къ борьбѣ, къ самоусовершенствованію, т. е. учить цѣнить произведенія литературы только по отношенію къ идеѣ, вложенной въ нихъ, оставляя въ сторонѣ внѣшнюю форму. Нѣкоторое время Бѣлинскій былъ послѣдователемъ этого ученія. Но уже скоро, какъ жаркій врагъ по натурѣ всего не искренняго, онъ замѣтилъ, что ученіе Фихте развиваетъ въ самомъ немъ искусственное возбужденіе, не давая въ тоже время научнаго объясненія многимъ явленіямъ жизни; съ другой стороны, какъ эстетикъ въ душѣ, съ дѣтства умѣвшій подмѣтить красоту, главнымъ образомъ, въ произведеніяхъ литературы, Бѣлинскій понялъ ошибочность даннаго ученія и въ этомъ отношеніи. Но разъ замѣтивъ ошибку, Бѣлинскій уже не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не найдетъ болѣе вѣрнаго ученія или взгляда. Теперь онъ такъ же честно и безпощадно нападаетъ на себя за защиту стараго взгляда, какъ неуклонно ищетъ новаго, болѣе справедливаго, найдя который, проводитъ прямо и горячо. Такимъ образомъ, съ дѣтства ища истины и правды во всемъ, Бѣлинскій однако не останавливается, найдя, повидимому, искомое, а провѣряетъ его. Не такъ поступаютъ самодовольные люди, которые какой то заслугой считаютъ хранить ненарушимо разъ принятый, выработанный или навѣянный имъ взглядъ, хотя бы этотъ послѣдній былъ совершенно не вѣренъ. Подобные люди даже не допускаютъ мысли объ ошибкѣ въ своихъ убѣжденіяхъ, а отъ всякаго пожелавшаго бы имъ указать эту ошибку отворачиваются съ оскорбленнымъ самолюбіемъ. Вотъ почему Бѣлинскій никогда не былъ и узкимъ патріотомъ, вотъ почему, съ другой стороны, Бѣлинскій всегда останется дорогимъ учителемъ при выработкѣ взгляда и убѣжденій. Онъ насъ учитъ, что на эту выработку не должны вліять ни

рутина, ни авторитетъ, тѣмъ менѣе расчетъ—особенно матеріальный—и личныя условія жизни, не должно вліять и самолюбіе. Конечно, нечего и говорить, какъ дороже и симпатичнѣе человѣкъ, истинно живущій, т. е. умственно продолжающій развиваться, хотя бы при своемъ развитіи и ошибающійся, потому что „въ развитіи только и есть жизнь“, какъ говорить самъ Виссаріонъ Григорьевичъ, по сравненіи съ человѣкомъ Фамусовскаго типа, который на всѣ доводы затыкаетъ уши и съ гордымъ, китайски-самодовольнымъ невѣжествомъ твердитъ только одну фразу: „не слушаю! подь судъ!“

Кромѣ замѣченной ошибки въ ученіи Фихте, сказавшейся въ дѣленіи людей на двѣ половины лучшихъ и худшихъ, это ученіе грѣшитъ еще и тѣмъ, что лучшимъ въ ихъ борьбѣ со зломъ и съ пороками сулитъ непремѣнную побѣду, между тѣмъ, самъ Бѣлинскій лично на себѣ испыталь съ одной стороны жажду нравственного исправленія, вслѣдствіе чего онъ могъ отнести себя къ лучшимъ, но успѣха отъ борьбы со зломъ и личными пороками Бѣлинскій не видѣлъ. Это послѣднее обстоятельство низводило Бѣлинскаго изъ половины лучшихъ къ числу худшихъ; получался, такимъ образомъ, разладъ въ самомъ примѣненіи ученія. Къ тому же это ученіе не могло удовлетворить Бѣлинскаго и по другому вопросу: по вопросу о взаимныхъ сердечныхъ чувствахъ, какъ и отчего они зарождаются и отчего иногда при видимой наличности всѣхъ условій, нужныхъ для этихъ чувствъ, этихъ послѣднихъ все же не бываетъ. На этотъ вопросъ натолкнуло Бѣлинскаго переживаемое имъ увлеченіе одной дамой, умной, образованной, красивой, и ученіе Фихте оказалось годнымъ только для теоретическаго объясненія даннаго вопроса; въ примѣненіи къ жизни это объясненіе оказывалось ошибочнымъ.

Наконецъ, будучи всегда правдивымъ, Бѣлинскій не могъ не замѣтить, что, слѣдуя своей теоріи, ея адепты часто бываютъ неестественны, часто заставляютъ обманывать самихъ себя выраженіемъ чувства и стараніемъ казаться лучше, чѣмъ есть они на самомъ дѣлѣ. Не мудрено поэтому, если Бѣлинскій ищетъ новаго философскаго ученія, болѣе правдиво объясняющаго жизненные явленія, и, найдя это ученіе—была философія Гегеля, къ которой перешелъ теперь кружокъ. Это философское ученіе миритъ съ окружающей дѣйствительностью. Оно отъучаетъ человѣка отъ настроенія всегда воинственнаго, отъ неестественности, слѣдовательно, и фальши. Согласно съ этимъ ученіемъ, все существующее законно и нормально. Съ другой стороны, въ области произведенія слова это ученіе обращаетъ вниманіе и на форму, красоту отдѣлки, вычеркиваетъ всякую тенденціозность въ сочиненіи и предписываетъ высшее наслажденіе въ созерцаніи прекраснымъ, требуя бояться больше всего того, что выводитъ изъ этого настроенія чистаго созерцанія. Пока Бѣлинскій не замѣчаетъ ошибокъ этого ученія, онъ становится его жаркимъ послѣдователемъ, и увлеченіе этимъ ученіемъ совпадаетъ какъ разъ къ концу тридцатыхъ годовъ, когда матеріальная сторона жизни Бѣлинскаго была очень плоха. Журналъ „Телескопъ“ прекратился, научный трудъ „Грамматика“, въ которой Бѣлинскій старался пояснить всякую форму, не давалъ дохода, такъ какъ въ продажѣ шелъ тихо: объясненія, съ одной стороны, были слишкомъ серіозны для учащихся, а иногда и очень натянуты; хотя грамматика была все же отмѣчена съ положительной стороны критикой. На рукахъ у Бѣлинскаго былъ братъ—неудачникъ. Собственное здоровье было такъ плохо, что Бѣлинскій согласился на устроенную его пріятиями поѣзд-

ку на Кавказъ, но зато сдѣлалъ большіе долги. Ясно отсюда, что условія его жизни не играли никакой роли на выработку взгляда на жизнь, согласно ученію Гегеля, т. е. оправдывающаго все существующее. Къ началу 40-го года ученіе это вполне сложилось въ умѣ Бѣлинскаго, окрѣпло и приняло такой видъ. Все происходящее на землѣ разумно такъ и быть должно, бороться съ нимъ смѣшно. Все незаметно улучшается, и сознаніе этого должно служить утѣшеніемъ при встрѣчѣ со зломъ. Но собственно зла и нѣтъ на землѣ, „зло лишь отрицательное понятіе“. Правда, отдѣльнымъ личностямъ живется тяжело, но это необходимое условіе общаго прогресса, медленнаго, но вѣрнаго. Заниматься политикой особенно у насъ въ Россіи глупо. Опытъ часто обманчивъ. Народъ, все выводящій изъ опыта и исторіи, ошибается въ корни, и такой народъ—французы. Философія, но не основанная на опытѣ, а чисто умозрительная, единственное, ясное, отчетливое, какъ математика, развитіе и объясненіе Христіанскаго ученія. Такую философію даютъ только нѣмцы, —отсюда Іерусалимъ новѣйшаго времени Германія. Добиваться свободы крестьянину, особенно путемъ революціоннымъ, есть громадная нелѣпность и страшное зло:—крестьянинъ, освобожденный, пойдетъ только въ кабакъ, а грамота поможетъ ему вѣрнѣе прочитать вывѣску на питейномъ домѣ. Дать конституцію Россіи—дать ребенку свободу: она его погубитъ только. У насъ уже появляется общественное мнѣніе. Его боятся и „озорники“ военные; смѣхомъ и презрѣніемъ казнить оно студента, взявшаго себѣ цѣлью не науку, а умѣнье много пить. Теперь этимъ уже не заслужишь себѣ уваженія и славы. Все идетъ, такимъ образомъ, къ лучшему. Правительство, запрещая писать о крѣпостномъ правѣ, старается исподволь о его смягченіи, но старается, чтобы сами помѣщики казнили тѣхъ своихъ собратій, кото-

рые стали бы жестоко обращаться съ крестьянами. „И такъ, предоставимъ дѣламъ идти, какъ они идутъ и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло существуетъ только для (оттѣненія) добра; а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому“ пишетъ Бѣлинскій въ одномъ длинномъ письмѣ къ другу, въ письмѣ, служащемъ какъ бы *profession de foi* Бѣлинскаго за это время. Но перейдемъ скорѣе отъ этого времени ко времени переѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ, который вырвалъ Бѣлинскаго изъ душной атмосферы кружка и помогъ ему болѣе трезвымъ и болѣе самостоятельнымъ окомъ взглянуть на окружающую дѣйствительность. Къ переѣзду въ Петербургъ побуждали Бѣлинскаго тяжелыя матеріальныя условія жизни въ Москвѣ. Работа въ Наблюдателѣ, новомъ журналѣ, слишкомъ мало давала Бѣлинскому, а издатель журнала смотрѣлъ на свой журналъ слишкомъ беззаботно, не желая тратить на него много средствъ, онъ и Бѣлинскаго слишкомъ мало вознаграждалъ за его усиленную работу для журнала. Между тѣмъ, долги у Бѣлинскаго были большіе и это мучило и убивало Бѣлинскаго. Впрочемъ, согласно съ своей теоріей объ окружающей дѣйствительности, Бѣлинскій пишетъ: „Я былъ бы погибшій человѣкъ, еслибъ всѣ эти займы не мучили, не убивали меня“. Съ другой стороны, эти долги до того разстраивали покой Бѣлинскаго, что онъ пишетъ по поводу ихъ: „иногда, принимаясь съ жаромъ за какое нибудь хорошее дѣло, я бросаю его съ отчаяніемъ, когда мнѣ говорятъ о пришедшемъ кредиторѣ или о томъ, что нѣтъ хлѣба, и бѣгу я куда нибудь, какъ будто надѣясь убѣжать отъ самого себя“... Кризисъ дошелъ наконецъ до того, что ни хлѣба, ни дровъ, ни денегъ у Бѣлинскаго не было, а

въ это время онъ находилъ въ себѣ достаточно силъ оправдывать все существующее; говорить, что если что нибудь происходитъ,—значить—такъ должно быть; значить,—оно законно. Но на ряду съ желаньемъ больше заработать себѣ средствъ къ жизни въ Петербургѣ, Бѣлинскаго влекло туда какое-то смутное предчувствіе, что въ Петербургѣ онъ нравственно переродится. Въ письмѣ отъ 15 ноября 1837 г. онъ говоритъ: „я хочу существовать матеріально и нравственно, и почему-то, самъ не знаю, думаю, что только въ Петербургѣ могу жить тѣмъ и другимъ образомъ. Я знаю самого себя—мнѣ не надо спать, а московская жизнь, даря меня прекрасными минутами, усыпляетъ на все остальное время. Петербургъ раздѣлитъ мою жизнь на двѣ половины, и если вторая будетъ не лучше первой, то лучше молча истаять и исчезнуть подобно призраку. Въ Петербургѣ, въ Петербургѣ—тамъ мое спасеніе“!

Однако, прежде чѣмъ закончить о московскомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго, должно сказать, что его литературные труды за это время, выдаваясь по прежнему своей искренностью, горячностью и откровенностью, многихъ приводили въ недоумѣніе по заключающемуся въ нихъ основному взгляду на окружающую жизнь, а иные не могли равнодушно отзываться о нихъ изъ за смѣлой и беспощадной критики, не смотря на все примирительное настроеніе автора. Къ числу послѣднихъ принадлежали люди, въ высшей степени сомнительные въ литературной честности, или отсталые рутинеры, ученые коллеги Виссаріона Григорьевича. Къ числу первыхъ нужно отнести кружокъ Герцена, умнаго, честнаго, увлекающагося человѣка, скорбѣвшаго отъ тяжелыхъ условій жизни въ Россіи въ то время. Этотъ кружокъ былъ диаметрально противоположнаго мнѣнія на дѣйствительность, чѣмъ Бѣлинскій, и также беспощадно критиковалъ взгляды

Бѣлинскаго за послѣднее время. Случайно Бѣлинскій и Герценъ сошлись въ одномъ домѣ, и Герценъ принудилъ Бѣлинскаго сдѣлать всевозможныя заключенія изъ пропо-
вѣдуемой имъ теоріи. Бѣлинскій и сдѣлалъ ихъ и въ бесѣдѣ съ Герценомъ и затѣмъ въ своихъ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ. Но, высказавшись, видимо сталъ чувствовать свою неправоту, тяготился этимъ и странно волновался. Посѣтившій Бѣлинскаго въ это время его знакомый изъ Петербурга, извѣстный Панаевъ, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ-воспоминаніяхъ это тревожное настроеніе Бѣлинскаго. Словами Панаева мы и позволимъ себѣ закончить этотъ періодъ жизни Бѣлинскаго. Панаевъ, пріѣхавъ въ Москву, поспѣшилъ посѣтить Бѣлинскаго. Послѣдній жилъ въ какомъ то узенькомъ и глухомъ переулкѣ, гдѣ никогда не раздавался стукъ отъ колесъ каретъ. Бѣлинскій былъ смущенъ и раздосадованъ пышной внѣшней обстановкой визита и не особенно привѣтливо встрѣтилъ Панаева. Поздно понявъ послѣдній свою оплошность и сконфуженный вошелъ въ низенькую дверь. „Дверь отворилась, — рассказываетъ онъ далѣе въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ (Современ. 61 г. № 1—2 9—11)—и передо мной стоялъ въ дверяхъ человекъ средняго роста, лѣтъ около тридцати на видъ, худощавый, блѣдный, съ неправильными, но строгими и умными чертами лица, съ тупымъ носомъ, съ большими сѣрыми, выразительными глазами, съ густыми, бѣлокурыми, но не очень свѣтлыми волосами, падавшими на лобъ, въ длинномъ сюртукѣ, разстегнутомъ накриво. Въ выраженіи его лица и во всехъ его движеніяхъ было что то безпокойное, нервическое. Мебель комнаты, куда мы вошли, состояла изъ небольшого дивана съ износившимся чехломъ, высокой и неуклюжей конторки, подкрашенной подъ красное дерево, и двухъ рѣшетчатыхъ такихъ же стульевъ. Бѣлинскій

очень нуждался въ средствахъ. А между тѣмъ частыя бесѣды между нимъ и Панаевымъ показали всю безкорыстность Бѣлинскаго. „Безкорыстїе и честїе Бѣлинскаго“, продолжаетъ рассказывать Панаевъ, „я не встрѣчалъ ни одного человѣка въ литературѣ въ послѣднія 25 лѣтъ. Когда рѣчь заходила о платѣ за трудъ, онъ приходилъ въ крайнее смущеніе, весь вспыхивалъ и сейчасъ же соглашался на всякія условія, самыя не выгодныя для себя. Съ деньгами онъ обращался, какъ ребенокъ: онъ то экономничалъ, то вдругъ прорывался и позволялъ себѣ неслыханныя роскоши при своемъ положеніи. Увлеченіе—было его натурой“. Разъ, напр., Панаевъ былъ изумленъ, найдя всю комнату Бѣлинскаго установленную цвѣтами. „У меня, батюшка, страсть къ цвѣтамъ, —пояснилъ Бѣлинскій, я зашелъ сегодня утромъ въ цвѣтной рядъ и соблазнился. Послѣдніе 30 рублей отдалъ. Завтра ужъ мнѣ формально вѣтъ будетъ нечего“. Тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій въ это утро былъ веселѣе, одушевленнѣе обыкновеннаго. Бѣлинскій вообще много хандрилъ за послѣднее время и жаловался на боль въ груди. А вотъ и разговоръ Бѣлинскаго съ Панаевымъ по поводу его статей съ наиболѣе рѣзко выраженнымъ взглядомъ. „Я знаю“, съ жаромъ сказалъ Бѣлинскій, меня „зовутъ льстецомъ: скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями. Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, чтобы обо мнѣ ни говорили Я только дорожу мнѣніемъ друзей моихъ: они не заподозрятъ меня въ лести. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя. Клянусь Вамъ—вы вѣдь мало еще меня знаете“. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли. „Клянусь Вамъ, меня подкупить нельзя! Мнѣ легче умереть съ голода, я и безъ того рискую этакъ умереть ежедневно, (и онъ улыбнулся

при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое чело-
вѣческое достоинство, унижить себя передъ кѣмъ бы то
ни было, или продать себя!“ Но какъ ни консервативны
были взгляды Бѣлинскаго въ это время, онъ не принад-
лежалъ все же къ числу людей, которые частью лицемѣрно,
частью въ силу убѣжденія, хвалили все не только бывшее
тогда на Руси, но и все явленія жизни русской, бывшія
раньше, начиная съ ея основанія, и которые думали, что
Россія сама безъ участія Запада создастъ новую культуру,
новую цивилизацію. На прошлое земли Русской Бѣлинскій
смотрѣлъ такъ же, какъ Герценъ, и это помогло имъ впо-
слѣдствіи понять другъ друга и сблизиться. Наконецъ, Бѣ-
линскій окончательно бросаетъ свой журналъ „Наблюдатель“
и еще изъ Москвы начинаетъ работать на Петербургскіе
журналы: „Отечественныя записки“ и „Литературныя при-
бавленія къ Русскому Инвалиду“, а въ 39 г. переезжаетъ
и самъ въ Петербургъ. Матеріальная сторона жизни сразу
улучшилась. Душевнаго мира однако Бѣлинскій не испы-
тывалъ. Въ Петербургѣ Бѣлинскій принужденъ былъ чаще
сталкиваться съ мнѣніями совершенно противоположными
своимъ, ближе знакомился и съ окружающей дѣйстви-
тельностью. Въ литературномъ мірѣ, въ цензурѣ царилъ полный
произволъ. Произволъ и угнетеніе личности было боль-
нымъ мѣстомъ для Бѣлинскаго, и оно то заставило Бѣ-
линскаго болѣе критически отнестись къ своему взгляду
на жизнь. Если же, въ пору крайняго увлеченія своимъ
взглядомъ, Бѣлинскій имѣлъ силы воли на столько, чтобъ
не подчиняться вполнѣ мнѣнію Гегеля, а критиковать его
и сказать: „понимаю уваженіе ученика къ учителю, но не
почитаю себя обязаннымъ играть роль Сеида, и это не мѣ-
шаетъ мнѣ думать, что еще не все приговоры во имя Ге-
геля неприкосновенно святы и непреложны“, то нѣтъ

ничего удивительнаго, если, однажды, замѣтивъ ошибки въ ученіи Гегеля, онъ не успокоится, пока не провѣритъ все снова. Однако, эта мѣна убѣжденій была не легка для Бѣлинскаго. Мы постараемся весь этотъ процессъ мѣны убѣжденій, хотя кратко, прослѣдить по письмамъ самого Бѣлинскаго. „Виновать, другъ Василій, пишетъ Бѣлинскій Боткину отъ 22 н. 39 г.—извиняюсь за молчаніе... Что дѣлать! Я нахожусь въ какой то апатіи, въ которой есть все, кромѣ участія ко всему тому, что не я. Я и чувствую и страдаю, но ни до тебя, ни до кого изъ Васъ, мнѣ нѣтъ дѣла, какъ будто всѣ Вы не существуете и никогда не существовали. Или видно настало время расчета съ самимъ собой, или чортъ знаетъ что—но вотъ вамъ фактъ: понимаете и толкуйте его, какъ хотите, Богъ да благословить Васъ, а я не виновать“. Далѣе: „какой то демонъ овладѣлъ мною: не могъ руки поднять не могъ приневолить себя написать тебѣ хоть двѣ строки!“ Отъ 30 н. 39 года: „Пишу много для журнала и пишу съ жаромъ, но не могу писать къ друзьямъ. Я недавно догадался, что есть 2 рода идеальности: здоровая и резонерская. Я понимаю ожесточеніе противъ идеальности... Что дѣлать, кругомъ себя я видѣлъ все резонерскую идеальность и пребывалъ самъ въ ней“. „Нѣтъ, никогда я не страдалъ такъ глубоко: силъ не достаточно. Внутри меня что-то глубоко оскорблено. Я уже не мучаюсь. Ну, да, что объ этомъ говорить! Ты и безъ словъ поймешь меня! Всякая односторонность не бѣситъ меня, а глубоко оскорбляетъ“. Если раньше Бѣлинскій говорилъ о счастіи всего человѣчества, забывая, какъ-будто, страданія отдѣльныхъ личностей, то теперь онъ пишетъ: „Права личнаго человѣка такъ же священны, какъ мірового гражданства. Кто свысока смотритъ на волю и судорожное сжатіе личности, тотъ для меня или мальчикъ, или эгоистъ, или

дуракъ—а мнѣ тотъ, другой и третій равно несносны. Говорить о себѣ да о себѣ или о своихъ страданіяхъ, забывать, что и другой также думаетъ о себѣ и также богатъ страданіями, не умно и нехорошо; но тяжело и давить въ себѣ все и не имѣть никого, кто бы откликнулся дружески на наши стоны“. Если раньше, говоря о себѣ, Бѣлинскій думалъ, что его удѣлъ страдать и смиряться передъ назначеніемъ судьбы,—теперь ему хочется личнаго счастья, женскаго участія: „Великое благо въ жизни дружба, —но мужская грудь и холодна и жестка, а пожатіе грубой мужской руки даетъ только жизнь, а не смерть, ту сладкую и блаженную смерть, о которой говорить Гете въ своемъ божественномъ Прометѣѣ. А мнѣ хотѣлось бы хоть однажды умереть отъ избытка жизни, а послѣ хоть и совсѣмъ умереть. И что же? Каждый новый день говорить: это не для тебя“... Черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца 30 д. пишетъ: „много во мнѣ измѣнилось, хотя и все тоже осталось, что и было мучительное состояніе“. Дѣйствительность теперь не вызываетъ въ Бѣлинскомъ вѣру въ себя, въ ея лучшее будущее: „и вѣра въ дѣйствительность, пишетъ онъ въ февралѣ 40 г., отложена до лучшаго времени; въ душѣ безвѣріе и отчаяніе“ Процессъ мѣны взгляда на жизнь идетъ и дальше, и хотя этотъ процессъ очень тяжелъ для внутренняго міра Бѣлинскаго, но онъ пишетъ: „Петербургъ былъ для меня страшною скалой, о которую больно стукнулось мое прекраснѣе. Это было необходимо и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока это не выносимо, выше всякаго терпѣнія. „Насъ губилъ китаизмъ“ мѣтко характеризуетъ Бѣлинскій причину московскихъ увлеченій:—мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ.—Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, нужно пожить въ Петербургѣ“, Бѣлин-

скій возстаётъ теперь на всякаго, кто, увлекаясь теоріей, забываетъ живого человѣка. „Я резонеръ, пишетъ онъ, но зато, какъ скоро предстанутъ предо мною дивныя явленія дѣйствительности въ искусствѣ и жизни, я бросаю всякую рефлексію и никогда не мѣняю человѣка на книгу“. Идея общества обхватываетъ теперь Бѣлинскаго все сильнѣе и рядомъ съ этимъ ему становится ясной задача своей дѣятельности: борьба противъ пошлости. Эта борьба показываетъ, какъ сильны въ Россіи были всякіе представители мрака и застоя—и поражать ихъ безъ уступокъ составляетъ цѣль благородную и возвышенную для Бѣлинскаго. Но, съ другой стороны, грустно быть только орудіемъ, хотя бы и очень важнымъ въ борьбѣ съ мракомъ, потому что судьба жестока къ своимъ орудіямъ. Она велитъ имъ быть довольными и счастливыми тѣмъ, что они орудія и употребляетъ ихъ, пока не изломаются. Такъ и я, думаетъ Виссаріонъ Григорьевичъ, въ жизни помучусь, поколочусь, а тамъ погружусь въ міровую субстанцію и въ ней заживу на славу... Лестная перспектива впереди“. Отсюда уже ясно, что, сознавая всю пользу борьбы съ пошлостью, что только тутъ Бѣлинскій, говоря опять его словами, уважалъ себя и считалъ счастливымъ, когда какая нибудь выходка его противъ Булгарина и Греча удалась,—онъ въ то же время ясно представлялъ себѣ ненормальность такой дѣятельности, такой жизни „Одно надо прибавить, пишетъ онъ весной 40 г., россійская дѣйствительность ужасно гнететъ меня“. Упоминаемые здѣсь Булгаринъ и Гречъ были одними изъ самыхъ позорныхъ дѣятелей печатнаго слова въ то время, безъ стыда служившіе цѣлямъ далеко стоящимъ отъ литературы, и понятно, какъ враждебно относились они къ Б., который, не смотря назначеніе этихъ лицъ и въ цензурномъ комитетѣ и у генерала Дубельта, начальника III отдѣленія, безъ всякихъ недомолвокъ характеризовалъ

ихъ дѣятельность. Грустная дѣйствительность вызываетъ и грустныя размышленія о себѣ, и вотъ какъ характеризуетъ себя Бѣлинскій, думая, что кромѣ этой борьбы съ пошлостью ему не суждено оставить по себѣ ничего другого: „Чѣмъ лучше понимаю дѣйствительность и истиннѣе гляжу на вещи, тѣмъ хуже вижу себя. Вижу себя обыкновеннымъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, но какимъ я еще не представлялся себѣ. Лучшее, что есть во мнѣ, отъ природы наклонное къ добру сердце, которое не можетъ не биться для всего человѣческаго, но которое бьется вспышками. Я привязался къ литературѣ, отдалъ ей всего себя, т. е. сдѣлалъ ее главнымъ интересомъ своей жизни, мучусь, страдаю изъ-за нея, но дѣлать изъ себя сильное орудіе и дѣйствительное орудіе для ея служенія, я объ этомъ и не думаю. Однимъ словомъ, я вижу, что я добрый малый, съ добрымъ, горячимъ (т. е. способнымъ къ вспышкамъ) сердцемъ, съ неглупой головой, съ хорошими способностями, даже не безъ дарованія,—но тутъ и все. Дюжинная дѣйствительность! Надежды на счастье нѣтъ—не для меня оно, отъ него отказалась и услужливая моя фантазія“. Далѣе, въ силу условій воспитанія, Бѣлинскій признаетъ въ себѣ и во всемъ Московскомъ кружкѣ отсутствіе положительнаго образованія, отсутствіе возможности увлечься наукой, „сродниться съ наукой“; а между тѣмъ и съ окружающей дѣйствительностью онъ „въ ссорѣ по праву“, уже „не навидитъ“ ее. Ему кажется, что этотъ разладъ съ жизнью и внутренняя пустота, непримиренность была въ немъ давно уже, только ясно сознавать ихъ онъ сталъ въ Петербургѣ. При этомъ внутреннемъ разладѣ, онъ и его друзья искали убѣжища себѣ, гдѣ бы можно было и укрыться и дать пищу запросамъ ума, и такимъ уголкомъ былъ въ Москвѣ—кружокъ, убѣжище, на недѣйствительность котораго теперь

указала Бѣлинскому сама жизнь. Этотъ кружокъ мѣшалъ просто безъ теорій вдуматься въ жизнь и доводилъ иногда до заключеній, которыя теперь кажутся Бѣлинскому не только не вѣрными, но и позорными. Вотъ почему теперь Б. яростно нападаетъ на людей, уклоняющихся отъ знакомства съ жизнью, какъ она есть, а замѣняющихъ это знакомство общеніемъ съ людьми только по душѣ. Проповѣдая теперь, какъ вредна замкнутая жизнь, Бѣлинскій требуетъ выслушивать мнѣнія противниковъ, такъ какъ только тогда можетъ обнаружиться истина. Выслушивая, не надо торопиться дѣлать заключенія. Иногда кажется мнѣніе ложнымъ только потому, что оно поражаетъ новизной и идетъ въ разрѣзъ со старымъ, привычнымъ для насъ, взглядомъ. Самъ Бѣлинскій, сталкиваясь съ чужими взглядами, измѣнилъ и отказался отъ многого, что еще не такъ давно считалъ вѣрнымъ. Ему, на примѣръ, ясна теперь и роль французовъ въ исторіи. Онъ пишетъ „съ французами я примирился окончательно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе. Это уже не энтузіазмъ, а страдальческое чувство. Все субстанціальное (задушевное) въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе (обнаруженіе) его гнусное, грязно, подло“. Въ Гегелѣ, этомъ такъ еще недавно могучемъ учителѣ, Бѣлинскій подмѣчаетъ „ограниченность“ ума, сказавшуюся въ томъ, что этотъ философъ все отвлеченное игнорировалъ, не рѣшая, напр., вопросъ о личномъ безсмертіи. Между тѣмъ, этотъ вопросъ для Бѣлинскаго кажется „альфой и омегой истины“, и та философія, которая съ презрѣніемъ обходитъ этотъ вопросъ только потому, что не въ силахъ рѣшить его, кажется Бѣлинскому плохой философіей. Защитнику дѣйствительности Бѣлинскій возражаетъ: „Намъ ли защищать дѣйствительность столь могуществен-

нѣйшую насъ, если она сама такъ плохо защищаетъ себя?“ и продолжаетъ далѣе: „неужели намъ и теперь быть дѣтьми, которыя, утирая кулакомъ кровавыя слезы, повторяли, что жизнь блаженство, что намъ чудо, какъ хорошо, живется“. Также измѣнились взгляды Бѣлинскаго и на Герцена, который ему теперь все больше и больше нравится, и прежнія нападенія котораго на Бѣлинскаго,—лишній поводъ, лишнее право съ его стороны на уваженіе и расположеніе къ нему Бѣлинскаго. Новая точка зрѣнія теперь у Бѣлинскаго и на поэзію. Раньше онъ не признавалъ, напримѣръ, французской литературы. Теперь пишетъ: „Всѣмъ нашлось мѣсто. Даже есть общественная поэзія, французская, и такой человѣкъ, какъ Гюго, заслуживаетъ великаго уваженія, несмотря на всѣ дикости, и есть большой талантъ“. Не вынося въ періодъ примирительнаго настроенія Шиллера, Бѣлинскій теперь не только не отвергаетъ его, но, ставя наряду съ Гомеромъ, Шекспиромъ и Гете, восторженно пишетъ: „Да, я созналъ наконецъ свое родство съ Шиллеромъ; я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его, и если что должно и можетъ интересовать меня въ жизни и въ исторіи, такъ это онъ, который созданъ быть моимъ Богомъ, моимъ кумиромъ, ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеаль человѣка“. Идя далѣе въ перемѣнѣ своего взгляда, Бѣлинскій вотъ какъ отзывается о французахъ: „Они защитили и дали возможность окрѣпнуть благородной, разумной и въ высшей степени христіанской идеѣ либерализма, ибо задача либерализма—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства, и Самъ Спаситель сходилъ на землю и страдалъ на крестѣ за личнаго человѣка“. Бѣлинскій ужасается тѣхъ зигзагъ, по которымъ шло его мышленіе и развитіе. О своихъ статьяхъ конца 39 и 40 года Бѣ-

линскій не можетъ хладнокровно вспоминать. Онъ торжественно отказывается отъ нихъ и считаетъ теперь кровной для себя обидой, если увидить ихъ открытыми у своего пріятеля. Письмомъ отъ 4 октября 40 г. Бѣлинскаго къ Боткину мы и позволимъ себѣ закончить этотъ послѣдній переходный періодъ жизни Бѣлинскаго, чтобъ перейти къ идеалу, начертанному имъ въ трудахъ послѣднихъ годовъ, идеалу, съ которымъ Бѣлинскій сошелъ въ могилу. Съ другой стороны, останавливаясь сравнительно долго на настроеніи Бѣлинскаго въ переходное время, намъ хотѣлось, показать, что испытывалъ человѣкъ, серьезно относящійся къ своимъ взглядамъ и сознательно мѣняющій ихъ. Конечно, нами не указанъ цѣлый рядъ писемъ не менѣе интересныхъ, но требовавшихъ для изложенія ихъ много времени. Пожелавшему-же детальное ознакомленіе съ Бѣлинскимъ по его письмамъ, мы рекомендуемъ трудъ Пыпина, печатавшійся сначала въ „Вѣстн. Европы“ за 74 и 75 г. (В. Гр. Бѣлинскій), потомъ изданный отдѣльно.

Такимъ образомъ, на основаніи собственныхъ писемъ Бѣлинскаго мы видѣли, какъ дорого ему стоитъ процессъ мѣны одного убѣжденія на другое, казавшееся болѣе правдивымъ. Но Виссаріонъ Григорьевичъ не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобъ добиться истины. Зато, переживя переходный періодъ, Бѣлинскій испытывалъ въ душѣ полный миръ и спокойствіе. Тогда ему хотѣлось слышать музыку, многіе ММъ которой къ удивленію своему Бѣлинскій не только находилъ доступными теперь пониманія, хотя раньше онъ пропускалъ ихъ мимо ушей, но даже какъ-то особенно дорогими ему. „Посмѣйся надо мной, пишетъ онъ Боткину, иногда умираю отъ жажды услышать музыку. Иногда слышу, „запахъ“ такихъ ММъ изъ Роберта, на которые раньше не обращалъ никакого вниманія. Хочу зарядить ходить въ оперу. Одно

воспоминаніе о Лейерманѣ вызываетъ слезы. Услышу ли когда нибудь? О меломанъ!“

А вотъ и то, какъ бы заключительное, письмо къ Боткину, гдѣ ярко высказанъ весь новый складъ мысли Бѣлинскаго и отреченіе отъ стараго: „Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества! Это мысль и душа вѣка! Боже мой! страшно подумать, что со мной было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающий. Проклинаю же мое гнусное стремленіе къ примиренію съ дѣйствительностью. Да здравствуетъ Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, освободитель общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ говорить великій Пушкинъ!“

Теперь перейдемъ къ самому идеалу, къ „наосу“ трудовъ Бѣлинскаго. Выше было упомянуто, что Бѣлинскій далъ отвѣтъ на все вопросы жизни. Посмотримъ же, на основаніи его литературныхъ трудовъ, какъ онъ рѣшаетъ эти вопросы что ставить на первомъ мѣстѣ.

Бѣлинскому представляется благоустроенная семья. Отецъ и мать—развитые, гуманные люди. Они никогда и въ мысляхъ не имѣютъ укорить или только выставить на видъ своему сыну, чего онъ имъ стоилъ, потому что они отлично понимаютъ, какъ отталкивающе дѣйствуетъ на ребенка выставленіе родителями на видъ своихъ трудовъ, волненій, матеріальныхъ затратъ при воспитаніи ребенка. Какъ люди развитые, родители понимаютъ, что въ дѣтствѣ нужно развивать умъ, чувство и волю, не давая перевѣса ни на одну изъ этихъ сторонъ. Родители выбираютъ ребенку общество, подходящее по возрасту, а не по положенію, послѣ чего и рѣши нѣтъ о томъ, чтобы ребенокъ могъ думать, что онъ „нѣчто“ иное, чѣмъ все другіе. Общество съ дѣт-

ства приучаетъ ребенка не быть замкнутымъ въ себѣ, развивать въ немъ общительность, даетъ знакомство съ жизнью. На ряду съ играми идетъ и чтеніе. Дѣтскія книги полны интереснаго содержанія и менѣе всего быють на мораль; такимъ образомъ, онѣ не притупляютъ съ дѣтства въ ребенкѣ уваженія къ моральнымъ сентенціямъ, какъ это дѣлается еще до сихъ поръ, онѣ развиваютъ вкусъ, любовь къ изящному, онѣ снабжаютъ дѣтскій умъ доступными свѣдѣніями. Въ нихъ ничего нѣтъ недоступнаго дѣтскому пониманію, ничего ложнаго. А какъ часто, даже и теперь, дѣти, знакомясь рано съ тѣмъ, что они еще и понимать не могутъ, получаютъ желаніе казаться не тѣмъ, что они есть, щегольнуть передъ моложе себя и поддѣлаться къ болѣе старшимъ. Знаній ребенку не дается много. За то все выучивается основательно и сознательно. Это опять налагаетъ на умъ учащагося особый отпечатокъ дѣльности, серьезности въ занятіяхъ. Предметы ученія дѣвочекъ и мальчиковъ одинаковы, потому что нѣтъ хуже, по мнѣнію Бѣлинскаго, какъ съ дѣтства внушать дѣвочкѣ мысль, что ее ждуть впереди семейныя обязанности матери и жены, а мальчику—что онъ что-то отличное, иное отъ сестры. Нѣтъ, Бѣлинскій хочетъ, чтобы воспитаніе дѣтей обоего пола было одинаково. Дѣти растутъ. Мать и отецъ—ихъ первые наставники и друзья. Дѣти безбоязненно открываютъ имъ малѣйшіе изгибы своего сердца; но эта откровенность не вынужденная, и естественная, и когда проходитъ желаніе у юноши быть откровеннымъ съ родителями, дѣлится съ ними своимъ внутреннимъ „я“, Бѣлинскій не думаетъ, чтобъ родители обижались на это и принуждали сына или дочь быть по прежнему. Въ свою очередь, родители говорятъ съ дѣтьми обо всемъ, лишь бы предметы разговоровъ были доступны пониманію дѣтей. Подобное отношеніе развиваетъ чувство собственного досто-

инства въ ребенкѣ, уваженіе его къ родителямъ, оно дѣйствуетъ гуманизирующимъ образомъ на душу юнаго члена общества. Но заботясь о душѣ, родители слѣдятъ за внѣшностью, за манерами своего воспитанника, потому что здѣсь тоже проявляется развитіе человѣка. У ребенка, рано развившаго въ себѣ эстетическій вкусъ, и манеры будутъ всегда изящны, въ обращеніи онъ будетъ всегда скромнѣе, деликатнѣе, мягокъ. Это не будетъ только внѣшній лоскъ, — а въ хорошихъ манерахъ будетъ только отраженіе хорошей души. Но вотъ начинается пора школьнаго ученія. Предметовъ ученія и здѣсь немного, но каждый хорошо проходитъ и самостоятельно усваивается. Знаніе чего-нибудь, пріобрѣтенное безъ самостоятельнаго труда — ложное, вредное знаніе. Съ другой стороны, масса знаній, или, какъ выражается Бѣлинскій, греческій языкъ еще не дѣлаетъ человѣка. Знаніе развиваетъ умъ и тѣ способности, какія даны природой; новаго же въ ребенкѣ они не прибавятъ ничего. Вотъ отчего попадаются люди очень свѣдущіе, но совершенно не развитые, не гуманные и наоборотъ, крестьянинъ иногда поражаетъ выдержанностью и вѣрнымъ взглядомъ на жизнь какого нибудь захватившаго къ нему многознающаго господина. Родители не наговариваютъ ребенку о его талантахъ, а предпочитаютъ лучше развить одинъ. Этимъ они предохраняютъ ребенка отъ возможности впоследствии сдѣлаться Адуевымъ (герой Обыкновенной исторіи, Гончарова). За то, изучивъ немного, но основательно, юноша выходитъ серіознымъ въ дѣлѣ, простымъ въ жизни, совершенно естественнымъ человѣкомъ. Правда, онъ переживетъ пору романтизма, ибо и безъ этого человѣкъ не пойметъ поэзіи жизни, но онъ, именно, переживетъ, а не останется на вѣкъ романтикомъ. Его чувства должны быть естественны, а не выучены.

Если онъ полюбитъ когонибудь, то, конечно, будетъ дѣйствовать только согласно своей склонности, а не указаній родителей, потому что заставлять повиноваться постоянно и во всемъ своей „родительской волѣ—есть произволъ родительской власти, отъ котораго такъ часто терпятъ на Руси, и который, въ свою очередь, развиваетъ произволъ и въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ будетъ въ силахъ его высказать. Но молодой человѣкъ росъ, какъ мы видѣли, въ другой средѣ и понимаетъ, что требованія Бога и истины—выше власти родителей, да и родители это понимаютъ. Нормально развитой субъектъ, переживая даже неудачу въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, не падетъ духомъ, потому что ему ясно назначеніе, въ частности, мужчины, и, вообще, человѣка: ему присущъ, вѣдь, не одинъ только міръ сердца, чувствъ, но и мысли и разума. Конечно, могутъ быть и такіе случаи, когда человѣкъ, лишившись любимаго имъ существа, хирѣетъ, умираетъ; но это исключительные случаи; большинство же, какъ нормально развитое, переживя сердечныя муки, не бросаетъ трудъ, не впадаетъ въ отчаяніе. Мало того, люди могутъ и утѣшиться и полюбить другого, потому что вѣчно хранить чувство къ одному лицу не естественно и, во всякомъ случаѣ, необязательно. Молодые люди, полюбивъ другъ друга, вѣнчаются. Но бракъ ихъ не цѣпи, а союзъ, и если современемъ видятъ они, что характеры ихъ не подходящіе, они расходятся, потому что гораздо хуже и безнравственнѣе не любя жить вмѣстѣ и пользоваться только грубымъ проявленіемъ чувства, скорѣе животнаго, чѣмъ человѣческаго. Нечего и говорить, что бракъ по расчету, по обязанности, супружескія отношенія только по долгу—Бѣлинскимъ отрицаются въ корнѣ. Жена и мужъ взаимно помогаютъ другъ другу. Женщина, какъ воспитанная одинаково съ мужчиной, яв-

ляется вполне его понимающей, его другомъ. Она не уходитъ вся въ дѣло хозяйства, какъ бы ни была бѣдна; у нея будутъ другія потребности, и эти потребности спасутъ такую семью отъ пошлости. Если же дѣвушка не выходитъ замужъ, то Бѣлинскій тутъ не видитъ еще большой бѣды для дѣвушки, и думаетъ, что воспитанная по его плану женщина тоже не убита этимъ: ей раскрыты всѣ дороги, какъ и мужчинѣ, и къмъ бы она ни сдѣлалась, она вездѣ будетъ естественна и окружающіе не удивятся хотя бы встрѣтили женщину врача, писательницу, адвоката etc. Но если она, по требованію сердца, дѣлается женой и матерью, то посмотрите, какъ она умѣетъ любить тогда (III т., П. соб. с. Б. изд. Павленкова стр. 98) своего ребенка, котораго и выносила и выкормила сама, первая подслушала движенія его, и Бѣлинскому кажется, что только женщина можетъ сильно, беззавѣтно, безотчетно привязаться къ ребенку и любить его ради его самого, тогда какъ любовь отца все-таки эгоистична. Занимаясь каждый своимъ дѣломъ, мужъ и жена досугъ посвящаютъ тому, что болѣе склонно натурѣ каждого. И кажется нашему автору, что если развлеченіемъ служить чтеніе, то не только такихъ произведеній, гдѣ блеститъ отдѣлка и изящество формы, но и мысли. Это требованіе отъ произведеній слова равенства идеи съ формой есть критеріи истинно поэтическихъ произведеній. Бѣлинскій допускаетъ даже перевѣсъ на сторону содержания. Слѣдовательно, какъ бы рѣзко отнесся Бѣлинскій къ современной символистикѣ и въ литературѣ и въ живописи, — символистикѣ, иногда блещущей красотой, но рѣдко — смысломъ. Музыка, театръ, живопись, скульптура, конечно, не могутъ быть въ пренебреженіи. Всякій человѣкъ, кромѣ семьи, имѣетъ общественныя обязанности, иначе онъ эгоистъ, вредный членъ общества. Но какія бы обязанности не несъ,

каждый понимаетъ, что требуетъ отъ него его дѣло, будь то государственная служба въ тѣсномъ смыслѣ, литература, медицина, сельское хозяйство и проч.: всѣ служатъ дѣлу, а не лицу. Въ жизни приходится сталкиваться съ массою лицъ, имѣющихъ взгляды, противоположные нашему. Гуманно развитый человѣкъ не позволитъ себѣ пренебрежительно отнестись къ чужому взгляду, не выслушать его, не позволитъ себѣ быть одностороннимъ, будетъ радъ встрѣтить противорѣчіе. Защищаясь, онъ вслушивается въ слова другого и больше всего боится придать имъ значеніе, котораго они не имѣютъ, или спѣшить дѣлать выводъ изъ нихъ. Однако, прислушиваясь къ мнѣнію другого, каждый относится къ нему критически и вырабатываетъ свой взглядъ, потому что лучше ошибиться, но быть мыслящимъ, чѣмъ представлять изъ себя кладовую взглядовъ и убѣжденій чужихъ, лично не переработанныхъ, хотя бы и считающихся справедливыми и глубокими. Цѣль каждаго общественнаго дѣятеля доставить своимъ трудомъ, по возможности, больше счастья ближнему; улучшить положеніе отдѣльной личности. Кто говоритъ, что страданіе отдѣльной личности необходимо для блага всѣхъ и этимъ успокаивается, тотъ или эгоистъ, или не развитый умственно человѣкъ, или лицемеръ. Бѣлинскому нѣтъ дѣла до человѣчества, если онъ видитъ, что положеніе отдѣльнаго лица тяжело: это положеніе онъ и хочетъ улучшить прежде всего и думаетъ, что такимъ путемъ не повредитъ человѣчеству. Виссаріонъ Григорьевичъ не понимаетъ и интернаціональности. Это не значитъ, конечно, чтобъ приписывать какія то исключительныя способности и добродѣтели всякому русскому человѣку.

Виссаріонъ Григорьевичъ, напротивъ, думаетъ, что многому нужно намъ поучиться у Запада, что послѣдній досто-

инъ полного уваженія за свою умственную и политическую жизнь, понимая подъ Западомъ не Австрію и Испанію, конечно. Но Бѣлинскій думаетъ что во имя правъ человѣчества, а въ частности Запада, не слѣдуетъ пренебрегать интересами своего народа, какъ грѣшно, съ другой стороны, думать, что въ Россіи все обстоитъ благополучно, не требуя реформы. Ложнаго патріотизма, какъ вообще лжи, въ чемъ бы она ни проявлялась, Бѣлинскій не выносить, и громить ее, избличать онъ рекомендуетъ всякому. Онъ совѣтуетъ отдѣлаться отъ ложнаго отношенія къ родителямъ, къ обязанностямъ родственника, и цѣлыя вдохновенныя страницы въ работѣ „Евгенія Онѣгина“ и „Обыкновенной исторіи“ посвящены имъ на проповѣдь болѣе естественнаго отношенія между родными. Онъ совѣтуетъ и въ отношеніи сердечныхъ симпатій быть естественнымъ и простымъ, и вотъ почему такъ восторженно отзывается объ элегіи Пушкина „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, гдѣ поэтъ сознается въ томъ, что хладнокровно встрѣтилъ извѣстіе о смерти любимаго человѣка, не облакаясь въ одежду убитаго, сраженнаго горемъ. Болѣе естественнаго и простаго отношенія нужно добиваться всѣми силами во всемъ.

Слѣдовательно, изображенное нами идеальное лицо, какимъ желалъ бы видѣть Бѣлинскій cadaго изъ своихъ соотечественниковъ, далеко отъ типа самодовольнаго, пошлаго bourgeois. Нѣтъ, это горячій и убѣжденный воинъ за истину, честь и свободу. Такому лицу помощь бѣдняку кажется первой нравственной обязанностью, ему представляется даже грѣшнымъ наслаждаться жизнью, видя около себя бѣдность. Слѣдовательно, его гуманная дѣятельность есть потребность нравственной природы, а не эгоистичнаго расчета. Но болѣе всего хочется каждому порядочному человѣку видѣть вокругъ себя въ какъ можно большемъ ко-

личествѣ разлитымъ свѣтъ знанія. Бѣлинскій говоритъ, что невѣжество причина бѣдности, бѣдность причина пороковъ. Однако есть люди, которые почему то думаютъ, что знаніе для народа и преждевременно, и опасно. Противъ такихъ людей Бѣлинскій совѣтуетъ итти со всей своей энергіей, и еще лишній разъ доказывая этимъ, что его идеаль далекъ отъ bourgeois. Высказать смѣло свои убѣжденія, не боясь за это ничего,—святая обязанность каждаго. Каждый можетъ внести свою лепту на пользу развитія знаній, а со знаніемъ ростетъ и уваженіе къ личности другого, къ собственному достоинству.

Писатели, проводящіе эту идею, лучшіе писатели. Во главѣ ихъ стоитъ Гоголь, Пушкинъ. Но льстить массѣ, но либеральничать не станеть истинно любящій свою родину человѣкъ. Онъ знаетъ, что изъ безъ того много причинъ, замедляющихъ ходъ развитія родной страны, и не прибавить лишнюю причину въ видѣ вызова репрессалій за свои ненужныя, непонятныя и неполезныя для народа рѣчи и дѣла. Но утопіи, увлеченія, свойственныя романтикамъ, не будетъ проповѣдывать нормально развитое лицо; нѣтъ, оно будетъ и словомъ и дѣломъ показывать что интеллигентный человѣкъ понимаетъ, какимъ образомъ своими честными трудами онъ можетъ принести пользу для улучшенія быта простого народа. Тогда вѣдь существовало еще крѣпостное право, не было въ деревняхъ школъ, а если и поговаривали объ открытіи ихъ, то являлись люди, доказывающіе или вредъ школы, или требованіе передачи этихъ школъ въ вѣдѣніе лицъ, однимъ своимъ происхожденіемъ будто-бы доказывающихъ свою благонадежность.

Намъ смѣшно слышать теперь все это. Но во времена Бѣлинскаго говорить противъ подобныхъ рѣчей составляло уже подвигъ, и Виссаріонъ Григорьевичъ, какъ самъ рѣшительно и

откровенно нападалъ на защитниковъ тьмы, такъ совѣтовалъ поступать и лучшему своему человѣку. Но этого мало. Желаніе просвѣщенія народа стоитъ рядомъ съ желаніемъ ему свободы, и за нее, за эту тогда такъ горячо ожидаемую лучшими людьми волю, думаетъ Бѣлинскій, будетъ также открыто, безъ уступокъ, безъ опасеній за личное „я“ ратовать всякій порядочный человѣкъ. Вотъ почему Бѣлинскій такъ тепло привѣтствуетъ каждый литературный трудъ, въ которомъ есть хоть намекъ на вредъ отъ крѣпостнаго права,—который пробуждаетъ лучшія чувства и будитъ къ борьбѣ за освобожденіе простого народа: отъ крѣпостной зависимости какъ, напр., стихотворенія Некрасова. Но чтобы быть вполне годнымъ борцомъ, а потомъ и полезнымъ дѣятелемъ общества, зажившаго на другихъ началахъ, нужно быть умственно и гуманно развитымъ человѣкомъ: только такой человѣкъ и можетъ явиться истиннымъ и полезнымъ гражданиномъ, для родины и, слѣдовательно, для общаго прогресса. Но такой человѣкъ имѣетъ сильно развитымъ чувство личнаго достоинства и желанье итти вездѣ только честнымъ путемъ, безъ всякихъ компромисовъ. Такіе люди, правда, пользуются эпитетомъ безпокойныхъ; они болѣе всего подвергаются нападкамъ людей пошлыхъ, но вѣдь идеально развитое лицо, по мнѣнію Бѣлинскаго, не испугается этого, и не давая повода упрекнуть себя въ дѣйствительно не идущемъ къ современному положенію дѣлъ поступкѣ, оно стойко выдержитъ всякія нападенія открыто и неуклонно воюя съ пошлостью и своимъ личнымъ поведеніемъ и словомъ, если къ тому поставлено. Такимъ образомъ дѣйствуетъ лучшій членъ общества, какимъ желалъ бы видѣть Бѣлинскій cadaго. Такимъ образомъ дѣйствовалъ и онъ самъ. Пустого либеральничанья онъ не допускалъ, и горячо возставалъ на всякаго, кто своимъ поведеніемъ мѣшалъ дѣлу

реформъ. Но еще съ большой энергіей Бѣлинскій вооружается противъ тѣхъ, кто изъ за личныхъ расчетовъ отрицалъ пользу реформъ или проводилъ въ народъ идеи не только отсталыя, но и развращающія. Горячо относился Бѣлинскій къ окружающей жизни, и за это еще болѣе укрѣпилось за нимъ прозвище „безпокойнаго“. Но съ дѣтскихъ лѣтъ и съ поры юности много душевныхъ силъ вынесъ Бѣлинскій на борьбу съ окружавшей его неправдой; этотъ же запасъ силъ совѣтуетъ онъ, повторяя слова Гоголя, взять каждому отъ лучшей поры своей жизни для времени старости, когда не замѣтно для себя и прогрессивный человѣкъ вдругъ дѣлается ярымъ приверженцемъ охранительныхъ началъ, и напоминаетъ при этомъ, что старость не рѣдко наступаетъ даже тогда, когда цифра прожитыхъ лѣтъ еще далеко не велика. Впервые Бѣлинскій удостоился прозвища „безпокойнаго“ даже „опаснаго“ человѣка, когда откровенно и правдиво сталъ обличать своихъ ученыхъ коллегъ за ихъ отсталость, хотя эти обличенія сначала были довольно сдержанныя. Понятно, когда примирительный періодъ кончился въ умѣ Бѣлинскаго, обличенія его стали рѣзче, рѣзче стали и обвиненія противъ Бѣлинскаго въ его неблагонадежности. Но мы постарались выяснить, какъ эти обвиненія были справедливы. Между тѣмъ, здоровье Бѣлинскаго все больше и больше расшатывалось: непріятности и петербургскій климатъ дѣйствовали на него убійственно. Напрасно друзья Бѣлинскаго устроили поѣздку ему сначала на югъ Россіи въ 45 г., а потомъ за границу въ 47 г. Во время первой Бѣлинскій, уже женатый и семейный человѣкъ, тоскуетъ по семьѣ и возмущается всѣмъ видѣннымъ имъ повсюду зломъ, тѣмъ болѣе, что Россію Бѣлинскій всегда считалъ имѣющей въ себѣ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія, если бы только въ ней было больше людей граждански

и умственно развитыхъ. Во время второй поѣздки къ тоскѣ по семьѣ прибавилась еще грусть по родинѣ, внѣ которой Бѣлинскій не могъ существовать, хотя-бы условія жизни были исполнѣ благопріятны. Ему даже казалось нечестнымъ жить внѣ родины, когда она нуждается въ честныхъ людяхъ, въ смѣлыхъ борцахъ за истину и свѣтъ знанія. Онъ думаетъ, что и всякій честный и развитый человѣкъ раздѣляетъ его взглядъ. Но родина встрѣтила Бѣлинскаго непривѣтливо. Въ семьѣ были свои несчастія: смерть маленькаго сына; въ Россіи, въ обществѣ,—свои: наряду со смертію лучшихъ представителей литературы, начали раздаваться слухи о закрытіи университетовъ или сведеніи числа учащихся въ нихъ до минимальной цифры, о крѣпостномъ правѣ нельзя было и слова вымолвить, знакомство съ культурой Занада дѣлалось все затруднительнѣе, надвигалась, однимъ словомъ, мрачная туча на Россію, насталъ 48 годъ, послѣдній годъ въ жизни Бѣлинскаго. Чахотка развилась быстро. Однако Бѣлинскій не переставалъ работать. Онъ участвовалъ тогда въ журналѣ „Современникъ“, всѣмъ обязанъ Бѣлинскому. Тѣмъ не менѣе, редація журнала недостаточно, по мнѣнію друзей Бѣлинскаго, цѣнила Виссаріона Григорьевича. Уже слабѣющей рукой, но съ прежней энергіей и прямою, пишетъ Бѣлинскій свой послѣдній взглядъ на русскую литературу 47 года и нѣсколько рецензій. Наконецъ силы Бѣлинскаго упали на столько, что послѣднюю статью съ горячѣй, правдивой и полной въ высшей степени глубокаго значенія оцѣнкой Искандера, Гончарова, Тургенева, Даля, Григоровича и Дружинина, статью проникнутую горьчѣй любовью къ Россіи и вѣрой въ ея великое будущее,—онъ не можетъ писать самъ, а диктуетъ своей супругѣ. Несмотря на полный упадокъ физическихъ силъ, умъ Бѣлинскаго бодръ по прежнему, серд-

це по прежнему отзывчиво бьется и болѣть несчастіями народа. Онъ увлекается теперь французскими писателями (Вольтеръ, Руссо) за ихъ симпатіи ко всѣмъ проявленіямъ лучшихъ чувствъ „за горячую симпатію, — выражаясь словами Бѣлинскаго, взятыми нами изъ послѣдняго его письма отъ 15 ф. 1848 г. — симпатію ко всѣму человѣческому, разумному, къ бѣдствію простаго народа“! Это было послѣднее письмо Бѣлинскаго, какъ бы его лебединая пѣснь; онъ можетъ въ этомъ письмѣ попрежнему энергично ратовать за лучшее положеніе угнетеннаго, тогда какъ рука Бѣлинскаго въ силахъ только выставить дату письма: 18 февраля 1848 г. Теперь нѣтъ у Бѣлинскаго иллюзіи на счетъ своего здоровья. Онъ сознавалъ, что его ждетъ. Вмѣстѣ съ болѣзнію, уносило силы Бѣлинскаго общее состояніе Россіи, въ частности — мѣры относительно литературы, требованія цензуры... Стоитъ вспомнить описаніе этого времени, сдѣланное И. С. Тургеневымъ въ „Воспоминаніяхъ“: „Утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою статью, всю исполозованную, обезображенную красными чернилами, словно окрававленную; можетъ быть, тебѣ пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя и унижительныя оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ. На улицѣ тебѣ попалась фигура г. Булгарина или друга его г. Греча, генераль и даже не начальникъ, а такъ просто генераль, оборвалъ, или, что еще хуже, поощрилъ тебя. Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ,

такъ называемымъ, ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность, хоть рукой махни!“ Но мы видѣли Бѣлинскаго, въ которомъ съ самаго начала своей дѣятельности кипѣла, какъ въ Чацкомъ, страстная вражда къ застою и невѣжеству, пламенное стремленіе возбудить разумное отношеніе къ жизни (Пыпинъ В. Ев. 75 т. 555 стр.) и теперь онъ не перестаетъ идти по тому же направленію, и цензурный комитетъ начинаетъ все строже относиться къ статьямъ Бѣлинскаго. Наконецъ, представленіе о Бѣлинскомъ, какъ объ опасномъ писателѣ, переходитъ въ другое вѣдомство, очень грозное по тому времени. И вотъ 20 февраля 1848 г. Бѣлинскій получаетъ отъ упоминавшагося выше г. Попова требованіе явиться. Но Бѣлинскій не могъ исполнить этого требованія. Тогда 27 марта посылается второе письмо, правда, написанное очень вѣжливо, какъ и первое, съ повтореніемъ требованія „явиться“. Бѣлинскаго, уже не покидавшаго постели, замѣняетъ Панаевъ, который такъ передаетъ впечатлѣніе, какое произвело на Бѣлинскаго послѣднее письмо. „Придя къ Бѣлинскому, я засталъ его въ страшномъ волненіи. Дѣло въ томъ, что къ нему явился жандармъ съ повѣсткою. По тогдашнимъ обстоятельствамъ можно понять, какое впечатлѣніе произвело неожиданное и загадочное появленіе этого посланнаго въ квартирѣ Бѣлинскаго. Послѣдній, не встававшій уже съ кресла, задыхающимся отъ волненія и отъ слабости голосомъ, просилъ меня отыскать бывшаго его учителя Попова и узнать, что отъ него требуютъ“. Панаевъ взялся за это дѣло и узналъ, что просили Бѣлинскаго зайти „единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ вѣдомства, гдѣ служить Поповъ, *хозяиномъ* русской литературы“. Тотъ же Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ

(стр. 374) такъ передаетъ о послѣднихъ дняхъ Бѣлинскаго: „Болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его ввалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги, даже дышалъ страшно. Присутствіе друзей было ему въ тягость. Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ). На дворъ подъ деревья вынесли диванъ—и Бѣлинскаго вывели подышать свѣжимъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ опустья голову и тяжело дышалъ. Увидавъ меня, онъ грустно улыбнулся, покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ: „Плохо мнѣ, плохо, Панаевъ“. Я началъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня. „Полноте говорить вздоръ!“ И снова тяжело и молча опустилъ голову. Я не могу высказать какъ мнѣ было тяжело въ эту минуту“. Все кончено думалъ я. Бѣлинскій умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого“. Присутствующіе при его смерти, пишетъ Пыпинъ въ своемъ трудѣ („Вѣстникъ Европы“ 1875 года III. 559) рассказывали, что Бѣлинскій за нѣсколько минутъ до кончины, лежавшій уже въ постели безъ сознанія, вдругъ быстро поднялся, съ сверкавшими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, проговорилъ невнятнымъ, прерывающимися словами, но съ энергіей какія-то слова, обращенныя къ русскому народу, говорившія о любви къ нему.... Его поддержали уложили въ постель и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Это было 26 мая въ 6 часовъ утра (Воспоминанія Панаева, Кавелина, Тургенева). Не многіе проводили Бѣлинскаго до могилы, на Волковомъ кладбищѣ; да и за тѣми явились наблюдатели. Семейство Бѣлинскаго осталось безъ всякихъ средствъ. Ему первому черезъ 12 лѣтъ основавшійся тогда литературный фондъ далъ пенсію, и

выручилъ этимъ съ тяжелой жизни на 11 руб. въ мѣсяць,—заработокъ матери на себя и дочь. Впослѣдствіи, когда средства улучшились отъ продажи трудовъ Виссаріона Григорьевича, его супруга сама просила объ уменьшеніи пенсіи. Изъ этого ясно, что Бѣлинскій въ своей женѣ нашелъ ту свѣтлую личность съ развитымъ чувствомъ и собственного достоинства и гражданственности, личность, отличающуюся умомъ и сердечностью, отдохнуть на груди которой такъ долго хотѣлось Бѣлинскому.

Но прошло 50 лѣтъ послѣ кончины дорогого дѣятеля и, взглянувъ безпристрастно на окружающую теперь дѣйствительность, мы можемъ смѣло сказать, что тотъ прогрессъ, который замѣчается и въ развитіи гражданственности и гуманности, та сумма здравыхъ понятій на жизнь, на воспитаніе, которая дѣлаетъ начертанный въ трудахъ Виссаріона Григорьевича идеалъ не только осуществленнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ,—исключая развѣ еще рутиннаго родственнаго чувства—но дѣлаетъ иную жизнь для громаднаго количества русскихъ невозможной, что здравыя болѣе или менѣе понятія о критикѣ и литературѣ— все это есть результатъ дѣятельности нашихъ лучшихъ писателей ученыхъ и государственныхъ людей, и на первомъ мѣстѣ мы должны здѣсь отмѣтить плодотворную борьбу нашего критика, убѣжденнаго, горячаго, незабвеннаго учителя гуманности, правды и чести, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

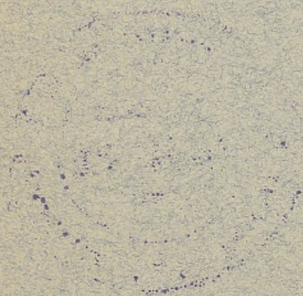
Закончимъ же этотъ слабый, далеко не полный очеркъ дѣятельности Виссаріона Григорьевича его собственными словами изъ разбора сочиненій нѣкоей г. Ганъ (Зинаиды Р-вой Полное собр. сочин. Бѣлинскаго, из. Павленкова III т. 98 стр). „Миръ праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силою собственныхъ ощущеній. Миръ праху твоему, жертва богатыхъ даровъ своей возвышенной натуры. Бла-

годаримъ тебя за краткую жизнь твою: не даромъ и не втунѣ цвѣла она пышнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ глубокихъ чувствъ и высокихъ мыслей. Въ этомъ цвѣтѣ—душа твоя, и не будетъ ей смерти и будетъ жива она для всякаго, кто захочетъ насладиться ея ароматомъ“.

Есть писатели, которые живутъ отдѣльною жизнью отъ своихъ твореній; есть писатели, жизнь которыхъ тѣсно связана съ ихъ произведеніями. Читая первыхъ, услаждаешься божественнымъ искусствомъ, не думая о художникѣ, читая вторыхъ услаждаешься прекрасною личностью, думаешь о ней, любишь ее и желаешь знать ее самое и подробности жизни. Къ этому второму разряду писателей принадлежитъ и Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.







Доходъ съ изданія поступить въ пользу Общества
попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ.

цѣна 30 коп.